

Серебряный лебедь

Автор:

Амо Джонс

Серебряный лебедь

Амо Джонс

Freedom. Клуб Элитных Королей #1Клуб Элитных Королей #1

Мэдисон Монтгомери родилась в богатой и влиятельной семье. После трагического происшествия девушке пришлось жить с запятнанным именем.

Мэдисон поступила в академию Риверсайд и думала, что там сможет начать все с чистого листа. Но чего она не ожидала, так это столкнуться с компанией плохих парней, которые управляют школой. Когда Мэдисон привлекла внимание их лидера – Бишопа Винсента Хейса, перед ней открылся совершенно новый мир, о существовании которого она и не подозревала. Мир загадочных юношей, которые состоят в «Клубе Элитных Королей». И перед Бишопом – самым притягательным из них – Мэдисон просто не может устоять... «Короли» перевернули жизнь Мэдисон с ног на голову. Семейный секрет, таинственный дневник и головокружительные отношения с Хейсом. Во всем этом Мэдисон Монтгомери предстоит разобраться. И так ли она уверена, что знает хотя бы саму себя?

Амо Джонс

Серебряный лебедь

Есть истории, которые отымеют вас так, что потом захочется покурить. Это одна из таких историй.

Amo Jones

THE SILVER SWAN

Copyright © 2017. The Silver Swan by Amo Jones.

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency Cover: Jay Aheer from Simply Defined Art

© Солдатова П., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Меня окружают бесконечные школьные коридоры, и я внутренне готовлюсь к своему первому дню в Подготовительной академии Риверсайд. Вокруг слышны звуки хлопающих шкафчиков и хихикающие голоса, но все, чего бы мне сейчас хотелось, – это пойти на могилу моей мамы. Отец перевез нас через весь штат, потому что нашел свою «единственную». Я начинаю думать, что он не умеет считать. Это будет его третья «единственная» после маминой смерти.

Дойдя до своего шкафчика, я открываю его, кладу внутрь новенькие учебники и достаю расписание занятий. Математический анализ[1 - В американской системе образования математический анализ входит в обязательный курс изучения.]. Прекрасно. Мои кожаные браслеты стучат, я закрываю дверцу шкафчика и отправляюсь на урок. Сейчас сентябрь, так что, по крайней мере, я еще ничего не пропустила.

Остановившись на пороге класса, я смотрю на свой листок, чтобы убедиться в том, что номер нужной аудитории совпадает с цифрами на двери. Стараясь не обращать внимания на то, что на меня таращится около двадцати пар глаз, я нахожу способ выкрутиться:

– Это кабинет математического анализа?

Ко мне подходит человек, который, по-видимому, является учителем. За очками в темной оправе виднеются усталые глаза, а седина выдает возраст.

– Да, Мэдисон Монтгомери?

Сглотнув, я киваю.

– Да, это я.

– Добро пожаловать в Риверсайдскую академию. Я мистер Уорнер. Почему бы тебе не присесть?

Я улыбаюсь ему и, сжимая книги, иду к толпе сидящих на стульях студентов, а вокруг меня нарастает шепот.

– Мэдисон Монтгомери? Разве это не та девочка, чья мать убила девушку своего отца, прежде чем покончить с собой?

– Ты уверена? – спрашивает ее подруга, скептически глядя в мою сторону. – В газетах она казалась намного красивее.

– Да, это определенно она. Ее отец очень богат. Он из old money[2 - Old money – семьи высшего класса, получившие богатство в наследство.], а мать была скучающей домохозяйкой, которая поймала своего мужа на измене. Поэтому она заколола женщину до смерти, а потом выстрелила себе в голову – из дробовика Мэдисон.

Когда я опускаюсь на свое место, воздух начинает сгущаться.

– Ее дробовик? У нее есть дробовик? Фу. Лучше держись от нее подальше. Она может быть такой же сумасшедшей, как и ее мать.

Они смеются до тех пор, пока мистер Уорнер не щелкает пальцами, требуя внимания. Я ненадолго закрываю глаза, теряя всякую надежду на то, что смогу начать новую жизнь в новой школе. Ничто и никто не мог дать мне «новое начало». Кого я обманываю?

На первой перемене я иду к главному входу и сажусь на одну из ступенек. Планировка школы позволяет учащимся использовать лестницу для того, чтобы сидеть на ней во время ланча и перемен. Холл заполнен учениками, поэтому я предпочитаю обедать здесь, где солнечно и не так... людно.

– Привет! – раздается веселый голос, я оглядываюсь назад и вижу девушку размером с фею пикси.

Ее крошечное тело облачено в изысканную брендовую одежду, а белокурые волосы сияют на солнце. Я не могу не заметить того, что на месте металлических и кожаных браслетов, оплетающих мои запястья, у нее серебро и золото. Я сразу понимаю, что мы не сможем быть друзьями.

– Привет. – Я заправляю каштановые волосы за ухо.

Она все равно садится рядом со мной, откусывая бутерброд.

– Я Татум. Ты ведь новенькая?

Я киваю, слизывая сок от яблока с большого пальца.

– Ага. Извини, ты, наверное, не хочешь, чтобы нас видели рядом.

Она отмахивается от моих слов.

– Я знаю о тебе все. Мэдисон Монтгомери, семнадцать лет. Дочь убийцы, которая затем застрелилась. У отца целая куча денег. Приехала из Беверли-Хиллз в Хэмптонс. Я что-то пропустила?

Я медленно моргаю, прежде чем прищуриться.

– Ты забыла упомянуть мой дробовик.

Она нервно хихикает.

– Я знаю. Я просто надеялась, что это неправда.

– Вот как. Ты, наверное, все-таки не хочешь, чтобы нас заметили.

Я снова переключаюсь на свое яблоко.

Она качает головой.

– Нет, мы с тобой будем настоящими друзьями.

После перерыва я отправляюсь на следующий урок, и не успеваю я опомниться, как уже звенит звонок на обед. Татум настаивает на том, чтобы устроить мне экскурсию по школе, показывая на разные классы и рассказывая о том, куда я могу записаться. Во время обеда мальчики приходят со своей стороны школы, и мы все встречаемся в столовой, которая разделяет женскую и мужскую половины академии. Что касается богатства, все здесь, кажется, стоят примерно в одном ряду с Биллом Гейтсом, и я всерьез задаюсь вопросом, как, черт возьми, моему отцу удалось меня во все это втянуть. Да, мы богаты, но в этой школе есть и кое-что еще. Чтобы попасть сюда, ко всему прочему необходимо быть высокого происхождения.

Мы заходим в кафетерий, и Татум указывает на мою юбку.

– Ты можешь дополнить школьную форму аксессуарами. Мы можем подшить ее покороче, если захотим.

Моя школьная клетчатая юбка заканчивается чуть выше колен, и длина меня полностью устраивает. Я не хочу привлекать к себе еще больше внимания, поэтому отвергаю ее предложение.

– Спасибо, – сухо отвечаю я, прежде чем взглянуть на двери, которые открываются с мужской стороны. Компания парней проталкивается в двери, разговаривая и пересмеиваясь. Они моментально подчинили себе окружающую атмосферу. Их ухмылки дерзкие и самоуверенные.

– Кто они? – спрашиваю я, кивая головой в сторону компании, идущей к стене в дальнем конце правого крыла.

– Это – неприятности, – бормочет Татум, занимая свободное место за одним из столиков для пикника. Я внимательно за ними слежу. Они все горячие, очень горячие. Татум поворачивается, следя за моим взглядом.

– И эти стервы – тоже неприятности, – пробурчала она, указывая на девочек, которые сплетничали на уроке математического анализа.

– Что ты подразумеваешь под неприятностями? – спрашиваю я, игнорируя ее слова о девочках и отводя глаза от этой суеты.

– Я имею в виду, что они преуспевающие придурки, владеющие этой школой, и когда я говорю «владеют», то подразумеваю это совершенно буквально – по крайней мере, для Нейта. Здесь они управляют всем. Ученики Риверсайда – всего лишь пешки в их мерзких запутанных играх. Им принадлежит эта школа, Мэдисон.

– Ты говоришь так, словно это мафия.

Я снимаю крышку с йогурта.

– Они бы с легкостью могли ей оказаться, – отвечает она, открывая упаковку сока. – Судя по всему, они члены суперсекретного клуба. – Она наклоняется ближе и улыбается. – «Клуб Элитных Королей».

– Клуб Элитных Королей? – спрашиваю я, откусывая бутерброд. Джимми, наш повар, приготовил мой любимый. С начинкой из курицы с нарезанными на кубики помидорами и измельченным салатом, заправленный майонезом. Он настолько хорош в своей работе, что мой отец всегда таскает его за собой, куда бы мы ни переезжали.

Татум машет рукой, закатывая глаза.

– Им нравится держать этот эксклюзивный клуб в секрете. На самом деле никто не знает, что там происходит и кто в него входит на самом деле, но, по всей видимости, это имеет отношение к крови и родословной.

Я продолжаю есть свой бутерброд. Звенит звонок, оповещающая о том, что перерыв снова закончился, поэтому я беру со стола книги.

– Что у тебя сейчас? – спрашивает Татум, засовывая яблоко в рот, чтобы освободить руку и забрать учебники. Я посмеиваюсь себе под нос, когда она вынимает яблоко изо рта.

– Что?

Я качаю головой.

– Ничего, у меня физкультура.

Она морщится.

– Ты же знаешь, что это необязательно, да?

Я киваю и помогаю ей подобрать книги, заметив, что это занимает у нее слишком много времени.

– Я люблю спорт.

Мы разворачиваемся, чтобы вернуться в женский холл, и как только я достигаю дверей, что-то побуждает меня обернуться.

Вам знакомо то чувство, которое возникает, когда вы ощущаете на себе чей-то взгляд? Со мной произошло именно это. Когда я останавливаюсь, Татум внезапно прекращает болтовню о какой-то игре, которая будет в пятницу вечером, переводит взгляд через мое плечо, бледнеет и хмурится. Я медленно оборачиваюсь, заглядывая в кафетерий, чтобы обнаружить всех семерых парней, смотрящих прямо на меня. Я внимательно оглядываю каждого из них, дольше задерживая взгляд на парне с растрепанными темно-каштановыми волосами, который ссутулившись сидит на стуле. У него широкие плечи и сильная угловатая челюсть. Он смотрит прямо мне в глаза, и я внезапно осознаю, что чувствую себя так, словно нахожусь в трансе. Зная, что мне нужно отвернуться, я сглатываю и разворачиваюсь, чтобы пойти на следующий урок.

– Ого! Подожди!

Татум подбегает ко мне сзади.

– Что, черт возьми, это было?

Я пожимаю плечами и вытаскиваю из кармана расписание.

– Они, наверное, слышали о моей маме.

Татум усмехается.

– Я уверена, что им на это наплевать. Это было что-то другое. Но послушай, – она крепко схватилась за мою руку, не давая мне идти дальше, – ты же не хочешь, чтобы они заметили тебя, Мэдисон. Они не хорошие люди.

– Ну, кажется, уже немного поздно.

Я прохожу мимо нее и продолжаю двигаться к дверям, ведущим в спортзал. Я направляюсь по длинному коридору и уже собираюсь завернуть за угол в раздевалку для девочек, когда врезаюсь в чей-то каменный торс.

– Черт возьми, – шепчу я, убирая руку с груди незнакомца. – Мне очень жаль.

Я смотрю в медово-карие глаза, обрамленные густыми ресницами. Красавчик.

– Эй, не беспокойся.

Он поднимает свою спортивную сумку с пола, прежде чем протянуть мне руку.

– Картер. А ты, должно быть, Монтгомери.

– Отлично, – бормочу я. – Ты все обо мне слышал.

Я опускаю взгляд на его грудь, вспоминая, какой твердой она была под моей ладонью. Он хихикает.

– Что именно? – поддразнивает он, подмигивая мне.

Я улыбаюсь его попытке поднять мое настроение и качаю головой.

– Я думала, это была женская сторона.

– У нас общий спортзал. Как тебе первый день? – спрашивает он, прислонившись к стене.

– Ну, – неуверенно начинаю я, бегая глазами по длинному коридору, – немного напряженно.

– Картер! Тащи сюда свою задницу! – кричит пожилой мужчина со свистком на шее и в бейсбольной кепке из другого конца коридора.

Картер не отрывает от меня взгляда, на его губах появляется легкая ухмылка.

– Увидимся, Мэдисон.

С той же ухмылкой он отталкивается от стены и проходит мимо меня.

– Ага, – отвечаю я, когда он уже ушел. – Увидимся.

Обернувшись, чтобы посмотреть ему вслед, я ловлю его взгляд, поэтому слегка машу ему перед тем, как отправиться на физкультуру.

Это уже второй приятный человек, которого я встретила за сегодняшний день, и я не заметила его среди элитных парней, так что, надеюсь, он с ними не дружит.

* * *

Я жду своего водителя у ворот школы, когда ко мне подбегает Татум.

– Итак, Картер Мазерс.

Она поднимает брови.

Я наклоняю голову.

– Откуда ты узнала? Это произошло буквально час назад.

– Новости здесь распространяются быстро.

Она невозмутимо разглядывает ногти.

– Начинаю это понимать, – бормочу я.

– Так или иначе, – продолжает она, взяв меня за руку. – Мне нужен твой номер, чтобы мы могли вместе распланировать эти выходные.

Я замечаю, как мой черный лимузин подъезжает к обочине, и Гарри, водитель моего отца, выходит из машины. Татум достает свой телефон, и я звоню ей по пути к автомобилю.

– Отлично! Я тебе напишу! – кричит она, пока Гарри открывает мою дверь.

– У тебя есть водитель? – спрашиваю я ее, находясь одной ногой в машине.

Она качает головой.

– Я за рулем.

Я машу ей рукой и забираюсь на заднее сиденье. Сегодня было действительно интересно. Не знаю, как относиться к случившимся событиям, но если каждый день будет похож на сегодняшний, то меня ждет увлекательный путь.

Глава 3

Открыв входную дверь нашего дома в колониальном стиле, я бросаю сумку на пол и иду на кухню. Наш дом – именно то, что можно ожидать от кого-то вроде моего отца. Стены выкрашены в нейтральный молочно-белый цвет, а на второй этаж ведет сияющая белая лестница. Я достаю банку колы из холодильника и направляюсь наверх. Мой отец и его новая невеста вернутся в понедельник, и хотя я встречалась с ней всего один или два раза, она показалась мне довольно милой. Красивее, чем его последняя, жадная до денег, жена, которую он все равно притащил к нам домой. Я поднимаюсь по лестнице, когда у меня в заднем кармане вибрирует телефон. Я быстро достаю его и вижу, что звонит отец.

– Привет.

– Мэди, прости, дорогая. Мы забыли сказать тебе, что сын Елены тоже переезжает к нам.

Я останавливаюсь, разглядывая длинный коридор второго этажа.

– Хорошо. Я не знала, что у нее есть сын.

– Да, есть. Он ходит в твою школу. Мне нужно, чтобы ты держалась от него подальше.

– Что это означает?

Он вздыхает.

– Просто подожди, пока мы вернемся домой, Мэди.

– Папа, ты говоришь загадками. Увидимся дома, и я уверена, что со мной все будет в порядке.

Я кладу трубку, прежде чем он продолжит меня поучать или, что еще хуже, затеет типичную «родительскую беседу». Сунув телефон обратно в задний карман джинсов, я иду к двери своей спальни, но останавливаюсь, услышав звуки из соседней комнаты. Он уже здесь? Борясь со своим любопытством, я прохожу в дверь и с облегчением вздыхаю, оказавшись в безопасной спальне. Пинком захлопнув двери, я направляюсь к своему балкону, расположенному прямо над бассейном. Открыв белые сетчатые занавески, я впускаю немного свежего воздуха. Легкий послеобеденный ветерок ласкает мою кожу и длинные каштановые волосы.

Мое спокойствие нарушает громкий бас «What's Your Fantasy» Ludacris, сотрясающий висащие на стенах картины. Я качаю головой и иду к коробкам со всеми своими вещами, которые до сих пор не распаковала. Затем я иду в ванную, которая примыкает к моей комнате, и закрываю дверь, прежде чем снять одежду, в которой ходила в школу. Я с наслаждением встаю под горячие успокаивающие струи воды, с усердием моюсь, а затем выключаю кран и оборачиваюсь в полотенце.

Выходя из душа, я замечаю, как кто-то стоит, прислонившись к дверному проему соседней комнаты, соединенной с ванной. Из меня вырывается громкий крик, и я изо всех сил сжимаю полотенце. Я забыла про эту чертову дверь.

Прищурившись, я смотрю на высокого худощавого парня, стоящего передо мной со скрещенными на груди руками.

– Убирайся! – указываю я на его комнату.

Он хихикает, наклонив голову, его взгляд скользит по моему телу.

– Ой, не скромничай, сестренка. Я не кусаюсь... – он усмехается, – сильно.

Я крепче сжимаю полотенце, исподтишка рассматривая его обнаженную грудь, очерченный пресс и мускулистые руки. На левой стороне груди располагается татуировка кельтского креста, а справа виднеется тату в виде большой надписи.

Я смотрю на его лицо, уголок его рта приподнимается в ухмылке. Губу украшает пирсинг, а глаза смотрят на меня с озорным блеском.

– Не устала меня рассматривать, сестренка?

– Я не твоя сестренка, – шиплю я, прищурившись. – Убирайся. Мне нужно переодеться.

– Ты не собираешься узнать, как меня зовут? – спрашивает он.

Его гладкая, чуть загорелая кожа сияет в свете ванной, голубые глаза полны озорства. Он отталкивается от дверного косяка, на который опирался, и идет ко мне с таким самодовольным видом, словно ему принадлежат все деньги планеты. Его темно-русые волосы беспорядочно растрепаны, а рваные джинсы красиво свисают с бедер, демонстрируя край трусов Phillip Plein. Он останавливается, будучи уже в нескольких сантиметрах от меня.

Потянувшись к зубной щетке, он усмехается.

– Меня зовут Нейт, сестренка.

Он подмигивает мне, выдавливая зубную пасту, а затем переводит взгляд на зеркало. Засунув зубную щетку в рот, он снова ухмыляется.

Развернувшись, я быстро выбегаю за дверь. Что, черт возьми, это было? Я ни за что не буду делить с ним ванную. Схватив с кровати телефон, я набираю номер отца. Когда в трубке звучит голос автоответчика, я почти рычу.

– Папа, нам нужно поговорить – СРОЧНО!

Натянув джинсы скинни и клетчатый топ, я расчесываю волосы и завязываю их в небрежный высокий хвост. Надев кеды Converse, я направляюсь к двери. Как только я выхожу из своей спальни, из двери соседней появляется Нейт, все еще

без футболки и все еще в своих соблазнительных свисающих джинсах. Он меня раздражает. Его рот расплывается в дерзкой ухмылке, а бейсболка на голове развернута козырьком назад.

– Куда ты?

– Не твоё дело, – отвечаю я, хлопая дверью своей спальни и одновременно размышляя, нужно ли мне поставить на неё замки.

Я продолжаю идти к лестнице, когда он подбегает ко мне сзади.

– Конечно, моё. Старшие братья должны заботиться о младших сестрах.

Я останавливаюсь на четвертой ступеньке и оборачиваюсь, пристально глядя ему в глаза.

– Мы, – я делаю жест между нами двумя, – не родственники, Нейт.

Это лишь делает его ухмылку шире. Он опирается на перила, и я замечаю шрам на его бицепсе. Он ловит мой взгляд и быстро скрещивает руки перед собой.

– Но раз уж ты спрашиваешь, – говорю я, продолжая спускаться по ступенькам. И только оказавшись внизу, я поворачиваюсь к нему лицом. – Я иду стрелять.

Глава 4

Вернувшись домой позже обычного, я благодарю Гарри и иду к дому по вымощенной брусчаткой дорожке. Музыка доносится до меня еще до того, как я вхожу в холл, поэтому я даже не удивляюсь, когда, распахнув дверь, попадаю в самый разгар вечеринки. Захлопнув двери – довольно резко, – я оглядываю пьяную толпу. В нашей мраморной кухне целая толпа подростков, которые играют в пиво-понг, танцуют и флиртуют друг с другом.

Переведя взгляд на гостиную, совмещенную с открытым бассейном, я вижу, как еще одна толпа танцует в свете стробоскопа[3 - Светомузыкальная установка, которую используют на дискотеках.] под звуки «Ain't Saying Nothing» Akon, звучащие из кабинки диджея, стоящей на месте нашего дивана. Я выглядываю наружу и вижу, как в освещенный разноцветными огнями бассейн ныряют полуобнаженные люди, а еще несколько человек рядом целуются в джакузи.

Ублюдок!

Прищурившись, я едва могу разглядеть еще одну толпу народа в дальнем конце заднего двора. Ох, мне не терпится надрать его чертову задницу. Когда я наконец замечаю черную бейсболку с выбивающимися из-под нее темно-русыми волосами и худощавое, загорелое тело – все еще без рубашки, – то понимаю, что нашла Нейта. Я направляюсь к дивану, где он отдыхает с другими парнями, качая головой в такт «Nightmare on My Street» DJ Jazzy Jeff, и курит.

Я узнаю в них тех, кого сегодня видела в школе, – парней, которых Татум называет «Клубом Элитных Королей». Очевидно, Нейт – тот, чьи прапрапрадеды были основателями Риверсайдской академии. Не знаю, по отцовской или по материнской линии. Елена милая и так же богата, как и мой отец. Вероятно, именно поэтому она нравится мне больше, чем кто-либо другой, с кем он меня знакомил. Я знаю, что ее интересуют не только его деньги. Так что, думаю, это родственник по ее линии. Для своего возраста мой папа выглядит довольно неплохо. На самом деле он совсем не старый, ему только сорок семь лет. Думаю, есть много отцов с детьми моего возраста, которые куда старше. Он каждый день занимается спортом и следит за питанием. Впрочем, Елена делает то же самое. Она в хорошей форме и очень ухожена. Хотя я встречалась с ней всего дважды – первый раз был несколько дней назад, когда мы только сюда переехали, а второй – перед тем, как они улетели в Дубай на деловую встречу, – оба раза она была ко мне очень мила. Не знаю, как ей удалось воспитать такого дурацкого сына, как Нейт.

– Нейт! – я огрызаюсь, огибая диван, и оказываюсь прямо перед ним. Его руки раскинуты на спинке дивана, ноги широко расставлены, а губы образуют букву «О», собираясь выпустить густое облако дыма. Взгляд прожигает меня насквозь.

– Прекрати это – сейчас же.

Боковым зрением я замечаю какое-то размытое движение, но не придаю этому значения.

Он ухмыляется.

– Маленькая сестренка, может быть, спрячешь свою пушку в шкаф, пока ты всех не напугала?

Я стягиваю с плеч ремни своего ружья 12-калибра.

– Заканчивай, Нейт. Я серьезно.

Он вскакивает с дивана, держа в руке пластиковый стаканчик.

– Стой! Иди сюда.

Он притягивает меня к себе, его рот опускается до уровня моего уха. Он указывает на первого парня, сидящего рядом с ним на диване.

– Это Сэнт, Эйс, Хантер, Кэш, Джейс, Эли, Абель, Чейз и Бишоп.

Я пробегаю по ним пренебрежительным взглядом. Некоторых из них я видела в школе, но есть пара парней постарше, которых я не узнаю.

– Привет, – говорю я.

Стоит заметить, неловко.

Я снова поворачиваюсь к Нейту.

– Я серьезно. Из-за тебя у нас обоих будут неприятности. Заканчивай вечеринку.

Я разворачиваюсь и собираюсь выйти из холла, но, оглянувшись, вижу, что все они за мной наблюдают. Нейт улыбается из-за своего стакана, в то время как у остальных на лицах разливается целая палитра эмоций. Один из них... Кажется, Нейт сказал, что его зовут Бишоп, это тот самый парень, на которого я смотрела

в школе. Сейчас он сидит на кухонном стуле, расставив ноги, и мои щеки невольно вспыхивают. Его глаза впиваются прямо в меня, и если бы парни умели делать «стервозное лицо», то оно выглядело бы именно так.

Мурашки пробегают по моей спине; даже не знаю почему. Может быть, дело в том, что он кажется таким... неприступным. Я внутренне усмехаюсь. Чертовы старшеклассники. Я поднимаюсь по лестнице, оставив Нейта самого разбираться с вечеринкой, захожу в свою комнату, убираю ружье на верхнюю полку шкафа и сразу же скидываю с себя одежду. Проскользнув в ванную, на этот раз дважды проверив замки на обеих дверях, я включаю горячую воду и залезаю под душ. Шумный поток заглушает басы музыки. Я остаюсь под струями воды до тех пор, пока тепло не проникает в каждую клеточку моей кожи.

Вытершись и надев шелковые пижамные шорты и майку, я взъерошиваю полотенцем волосы и вешаю его на место. Открыв замок на двери, ведущей в комнату Нейта, я поворачиваюсь и возвращаюсь в собственную прохладную спальню. Музыка прекратилась, и я слышу далекий шум, доносящийся снаружи, звуки отъезжающих машин и крики девушек. Я настежь распахиваю балконную дверь. Как только звуки стихают и дом становится достаточно безопасным, чтобы снова выйти наружу, я прохожу через свою комнату, открываю дверь спальни и медленно спускаюсь по лестнице. Будучи уже на полпути к кухне, я обнаруживаю, что Нейт и его друзья все еще сидят в гостиной. Услышав мои шаги, они резко прекращают разговор.

– Не обращайтесь на меня внимания, – бормочу я, прежде чем продолжить свой путь на кухню.

После стрельбы я всегда хочу есть и не собираюсь отказываться от этой привычки только из-за того, что в моем доме развлекаются какие-то «элитные мальчики». Еще утром я была единственным ребенком в семье. Как меня только угораздило обзавестись сводным братом, а тем более – кем-то вроде Нейта?

Я открываю холодильник, достаю несколько яиц, молоко и масло и отправляюсь в кладовую за мукой и сахаром. Когда я раскладываю все ингредиенты на кухонном столе, входит Нейт и прислоняется к входной двери, скрестив руки на груди. Я наклоняюсь и невозмутимо достаю из-под барной стойки миску и деревянную ложку.

Затем я поворачиваюсь к Нейту и указываю на него пальцем.

– Ты когда-нибудь носил рубашку?

Он фыркает.

– Девушки были бы счастливы, если бы я вообще ее не носил.

Он подмигивает, прежде чем приблизиться ко мне, и в эту минуту Кэш, Джейс, Эли, Сэйнт и Хантер заходят на кухню, скептически меня разглядывая.

– Что ты делаешь? – спрашивает Нейт, внимательно наблюдая за моими движениями.

– Вафли.

Я смотрю на других парней, которые расположились по разным углам кухни. Атмосфера немного неуютная.

Прочистив горло, я смотрю на Нейта.

– Почему я никогда о тебе не слышала? Мой отец не говорил, что у Елены есть сын.

Я замешиваю все ингредиенты, в то время как Нейт идет к одному из шкафов, вытаскивает вафельницу и включает ее в розетку.

Он пожимает плечами, откидываясь на кухонную стойку.

– Не знаю. Может быть, потому что я плохой парень.

Он усмехается.

– Истории, что о тебе рассказывают, – правда? – спрашивает Хантер, прищурившись.

– Какие именно? Их несколько, – парирую я, подходя к вафельнице.

Нейт берет у меня миску и начинает заливать тесто в форму.

– О твоей маме.

Немного резковато, но я к этому привыкла.

– Ты имеешь в виду ту часть, где моя мать покончила с собой, или ту, где она предварительно убила подругу моего отца?

Я откидываюсь назад, наклонив голову.

У Хантера резкие черты лица. Мне не удастся точно определить его национальность. У него темные глаза, оливковая кожа и небрежная щетина на подбородке.

Он прислоняется к своему стулу, пристально глядя на меня.

– Обе.

– Да и да, – категорично отвечаю я. – И да, это было мое ружье.

Я оборачиваюсь и вижу, как Нейт смотрит на Хантера.

– Подвинься, – приказываю я, указывая на вафельницу.

Нейт отступает, чтобы пропустить меня, и наши руки соприкасаются. Я останавливаюсь, поднимаю глаза к его лицу и ловлю его улыбку. Прежде чем я успеваю сказать ему прекратить ухмыляться, ко мне подходит Эли.

– Я Эли, и я глаза и уши нашей группы. Еще я младший брат Эйса.

Он указывает на стоящую сзади более взрослую и крупную версию себя.

Я вежливо улыбаюсь Эйсу, но он не улыбается мне в ответ. Ну и ладно.

– Ты имеешь в виду клуб?

Я отвечаю, не глядя на него. Наливая тесто в вафельницу, я замечаю, что все замолчали.

– Так-так. Вижу, до тебя уже добрались слухи. Кто тебе рассказал? – спрашивает Нейт.

Я отхожу в сторону, кладу вафлю себе на тарелку и понимаю, что хочу уйти с кухни, где явно сконцентрировалось слишком много тестостерона.

– Татум.

Я поливаю вафлю кленовым сиропом.

– Я ухожу.

Затем я беру тарелку и направляюсь к лестнице. Проходя мимо, я вижу, как Бишоп и Брантли все еще разговаривают в гостиной.

Я останавливаюсь, держась за перила, и поворачиваю к ним голову, обнаруживая, что Бишоп смотрит прямо на меня. Не знаю, что не так с этими парнями, но все эти взгляды начинают меня напрягать. У Бишопы угловатое лицо с высокими скулами и челюстью, благодаря которой он чем-то напоминает греческого бога. У него растрепанные темные волосы, которые заставляют мои пальцы подергиваться от желания по ним провести, и пронзительно-темные зеленые глаза. Его густые черные ресницы выделяются на фоне безупречной кожи. Поджарые плечи держатся напряженно и уверенно. В нем есть что-то властное, и как только я осознаю, что все еще стою, уставившись прямо на него, то спешно разворачиваюсь и бросаюсь вверх по лестнице.

Захлопнув дверь в свою спальню, я ставлю тарелку на рабочий стол, стоящий у балконной двери, и вздыхаю. Сейчас я ни за что не смогу переварить даже маленький кусочек пищи. Забравшись под свои хрустящие льняные одеяла, я включаю телевизор, висящий на стене напротив кровати, выбираю новую серию «Банши»[4 - Американский телесериал про бывшего заключенного.] и зарываюсь в мягкие подушки, позволяя телу наконец расслабиться после долгого дня.

Глава 5

На следующее утро, спускаясь по лестнице с зажатым в зубах яблоком и с книгами в руках, я натыкаюсь прямо на спину Нейта. Я вынимаю яблоко изо рта.

– Черт, извини, я опаздываю.

– Я знаю. Сколько серий «Банши» ты посмотрела прошлой ночью? – спрашивает он, забирая с кухонного стола ключи.

– Я не знаю. Я... Подожди! Как ты узнал, что я смотрела «Банши»?

Я подпрыгиваю, пытаюсь засунуть ногу в обувь.

– Я зашел посмотреть, в порядке ли ты, и увидел свет под твоей дверью. Тогда ты уже вырубилась. Кстати, неплохой выбор сериала. Гарри отвезет тебя в школу?

Он берет меня за руку, позволяя мне опереться на него, прежде чем я, наконец, попадаю ногой в эту чертову кроссовку.

Протянув ему книги, я наклоняюсь, чтобы завязать шнурки.

– Да, он делает это каждое утро.

Я встаю, он возвращает мне учебники, и мы выходим из дома.

– Я отвезу тебя. Нет смысла ехать по отдельности. Мы ходим в одну школу.

Я смотрю на подъездную дорожку и вижу, что Гарри здесь нет. Дерьмо. Я киваю, нервно покусывая губу.

– Хорошо.

Он быстро улыбается мне, и на его щеках проступают ямочки. Затем он берет меня за руку, и мы идем к его Porsche 918 Spyder. Открыв машину, я сажусь на пассажирское сиденье и пристегиваю ремень безопасности.

Он улыбается, заводя автомобиль.

– Знаешь... прошлой ночью ты произвела впечатление на парней.

– Какое? – в шоке спрашиваю я.

Это был один из самых неловких моментов в моей жизни, даже при том, что моя жизнь буквально состоит из неловких моментов.

Он смеется, когда я тянусь к стереосистеме. Неожиданно «Forgot about Dre» Dr. Dre сотрясает салон машины, и я быстро вырубая звук.

– Боже!

Он посмеивается со своего места, внимательно за мной наблюдая.

– Что? Не любишь старый школьный хип-хоп, сестренка?

– В хип-хопе нет ничего плохого, но если ты и дальше собираешься слушать его на такой громкости, то твоим барабанным перепонкам конец. Вообще-то тебе бы стоило проверить их уже сейчас.

– Если бы у меня были проблемы со слухом... – ухмыляется он, переключая передачу и разгоняясь так резко, что моя голова откидывается назад к подголовнику, – это было бы не из-за громкой музыки, а из-за того, что делает с девушками Маленький Нейт.

Я в недоумении отстраняюсь от него:

– Маленький Нейт?

Его лицо меняется.

– Что плохого в том, что я называю его Маленьким Нейтом?

Он выглядит почти обиженным, и я хихикаю. Кажется, я попала по больному. Нейт производит впечатление жутко самодовольного парня, но сейчас, надувшись, выглядит очень беззащитным и милым.

– Эээ... тот факт, что ты вообще дал ему имя. Почему тебе пришло в голову назвать... – Я указываю на его промежность, и когда мой взгляд возвращается к его лицу, меня встречает дерзкая мальчишеская ухмылка. Его рука скользит вверх по рваным джинсам и сжимает ширинку. О господи. – Т-твой... – заикаюсь я. – Боже мой, – шепчу я, мотая головой.

Он продолжает меня дразнить:

– Достоинство? Болт? Волшебная палочка? Хрен? Третья нога? Уд...

Я его перебиваю:

– Елена – милая женщина. Как, черт возьми, ты мог у нее родиться?

Мы въезжаем на школьную подземную парковку, и я вылезаю из машины, закрывая за собой дверь.

– Какой у тебя последний урок? – спрашивает он, огибая машину и обнимая меня за талию. Я высвобождаюсь из его рук. В последние двадцать четыре часа наши отношения складываются довольно гладко, но я все еще не могу позволить ему обнять меня. У меня никогда не было много друзей в других школах. Он и Татум – первые люди с тех пор, как умерла мама, которых не беспокоит мое прошлое.

– Хм, думаю, у меня физкультура.

Он кивает, пока мы идем к лифту, чтобы подняться на первый этаж школы.

– Я заберу тебя после нее. Что у вас сейчас?

– Математический анализ.

Я съеживаюсь, зная, что Элли Паркер и Лорен Бентли учатся в том же классе.

– Тогда я провожу тебя.

Он кивает в сторону коридора.

Я улыбаюсь. Может, я слишком рано сбросила его со счетов.

Он был ко мне очень мил. Как минимум добрее, чем большинство окружающих.

– Не стоит, Нейт. Я в порядке.

Он обнимает меня за шею и притягивает к себе.

– Нет уж, раз теперь мы брат и сестра, я обязан о тебе заботиться.

– Нейт, – вздыхаю я, пока мы идем по коридору, ведущему к нужному мне кабинету.

Стены выкрашены в светлые и нейтральные оттенки, и все аудитории тоже выдержаны в одинаковых тонах. Тренажерный зал находится в конце коридора по направлению к пожарному выходу, и хотя я еще не видела холл мужской половины школы, думаю, там все выглядит точно так же.

– Тебе правда не стоит. Я буду в порядке.

– Я просто хочу познакомиться со своей новой сестрой. Вот и все.

Он подмигивает мне, когда мы подходим к двери класса.

– Хорошо, – говорю я, скрещая руки на груди. – Но я не привыкла к общению, просто предупреждаю. Я предпочитаю одиночество.

Он наблюдает за мной, наклонив голову и внимательно меня изучая.

– Я смогу это исправить.

Он снова подмигивает мне, прежде чем развернуться и направиться к мужской половине.

Почему? Почему в качестве сводного брата мне достался кто-то вроде Нейта?

Глава 6

Звонок нарушает сосредоточенную тишину в классе, и мы все собираем учебники. Татум толкает меня бедром, перекидывая длинные светлые волосы через плечо.

– Наконец-то обед! Я думала, что не доживу до конца урока.

Улыбаясь, я собираю ручки и кладу их на учебники.

– Ты говоришь так каждый урок.

Я закатываю глаза, и мы выходим из аудитории.

Она фыркает:

– Да уж. Итак, какие у тебя планы после школы? Нейт Риверсайд устраивает вечеринку в эти выходные, и хотя обычно меня не приглашают на такие мероприятия, мне жутко туда хочется. Конечно, нас могут выгнать из-за статуса и всего прочего, но попробовать все равно стоит. Ты в деле? – спрашивает она по пути в кафетерий.

Я снова закатываю глаза, когда мы проходим через двери.

– Эта вечеринка, скорее всего, будет у меня дома.

Она замолкает, ее маленькая ладонь сжимает мою.

– Поподробнее, Монтгомери. Что ты имеешь в виду?

– Нейт, – коротко отвечаю я. – Его мама и мой отец женаты. Мы живем вместе, и, прежде чем ты вгрызешься мне в горло, я сама узнала об этом только вчера. Но мне все равно кажется, что прошло уже тысячу лет с нашего знакомства, потому что наше с Нейтом общение очень... непринужденное.

Ее челюсть, кажется, готова упасть на землю.

– Да. Ну. На фиг.

– Что? – спрашиваю я, разворачиваясь к буфету.

Желудок требовательно бурчит, потому что вчера я пропустила ужин и, кроме съеденного утром яблока, в моем животе так ничего и не было.

– Вот дерьмо, – шокированно шепчет Татум. Она снова поднимает взгляд на меня. – Это же чертовски круто! Мы так оторвемся, – взвизгивает она.

– Эй, Татум? Об этом и речи быть не может, особенно в моем доме. Нейт устраивает все это потому, что наши родители вернутся только в понедельник.

Мы оба нагружаем свои тарелки разнообразной едой, представленной в кафетерии. Суши и экзотические фрукты? Я в школе или в пятизвездочном ресторане?

– Черт возьми, нет, Мэдисон, ты совсем не понимаешь. Эти ребята никогда...

Чьи-то пальцы закрывают мои глаза. Татум задерживает дыхание. Мягкие губы скользят по задней части моего уха, и я слышу глубокое рычание:

– Как ты относишься к инцесту, сестренка?

Он убирает ладони с моих глаз и смеется, пятясь назад. Челюсть Татум вот-вот пробьет пол, и когда я оборачиваюсь, чтобы вознаградить Нейта своим злейшим взглядом, то обнаруживаю, что все вокруг замерли и в полной тишине

наблюдают за нашими действиями.

«Ученики Риверсайда – всего лишь пешки в их мерзких запутанных играх. Им принадлежит эта школа, Мэдисон».

– Нейт, – шиплю я ему. Мне еще не представился случай ему об этом сообщить, но я бы очень хотела оставаться в тени.

Его улыбка исчезает.

– Что? – невинно спрашивает он, словно малыш, который не знал, что ему нельзя есть печенье перед ужином.

Я киваю в сторону всех, кто на нас смотрит, и он пожимает плечами, обхватывая меня рукой.

– Садись с нами.

Он смотрит в сторону Татум:

– И ты тоже.

Затем он притягивает меня к себе.

Я ставлю поднос на стол и подхожу к Татум, чтобы позвать ее с собой. Ее рука вцепляется в мою. Я чувствую ее дискомфорт и сотню накопившихся за эти пару минут вопросов, готовых сорваться с ее языка, но решаю прояснить все позже. Напротив меня сидит Бишоп, а напротив Татум – Брантли. Рядом с ним расположились Абель, Хантер, Эли и Кэш.

Я беру один из своих суши-роллов и откусываю его, стараясь сделать это как можно аккуратнее, но суши – это суши, и рис оказывается у меня на коленях. Нейт болтает о вечеринке в эти выходные, и когда я поднимаю глаза, то мгновенно оказываюсь в плену глаз Бишопы. Его лицо такое безэмоциональное, такое... пустое. Его сильная точеная челюсть напряжена, а зеленые глаза не отрываются от моих. Я ерзаю на стуле, пока Татум искоса на меня поглядывает. Ее рука опускается под стол, и через секунду у меня в кармане вибрирует

телефон. Я протягиваю руку, чтобы вынуть его, но тут Нейт поворачивается в мою сторону:

– Что думаешь, сестренка?

– Что? – автоматически спрашиваю я, раздраженная тем, что он помешал мне прочитать сообщение от Татум.

– Какой алкоголь ты предпочитаешь? – повторяет он, не отрываясь от моего лица.

Боже, он чертовски хорош.

Я тут же злюсь на саму себя. Что со мной не так? Он твой брат, тупица.

– Ой! – Я нелепо улыбаюсь, мои щеки пылают. – Я не пью.

Я сжимаю телефон в руке, стараясь игнорировать темно-зеленые глаза, которые все еще меня изучают.

Нейт усмехается, берет один из моих суши-роллов и кладет его в рот.

– Мы это изменим. Сегодня день рождения Брантли. Обычно мы не устраиваем вечеринки, – уголок его губы ползет вверх, в глазах загорается озорной блеск, – но мы празднуем дни рождения.

Я сглатываю ком в горле. Снова переведя взгляд на Бишопу я вижу, что он смотрит в свой телефон. Пользуясь случаем, я опускаю взгляд на колени, снимаю блокировку мобильного и читаю сообщение Татум.

Татум. Не может быть:

Я: Что?

Я смотрю на Татум, у которой на лице появилась странная неприятная ухмылка. Ее глаза опускаются на колени, и я с нетерпением жду новое сообщение. Машинально вытянув ноги под столом, я тут же сталкиваюсь с чьими-то ногами напротив и резко отдергиваю их назад. Дерьмо. Мой телефон снова вибрирует, и я опускаю взгляд на экран.

Татум: На тебя пялится тот, о ком мечтает каждая девчонка в этой школе. Вот что.

Я: О чем ты, черт возьми, Татум?

– Хей! – Нейт игриво хлопает меня по руке. – Кому пишешь?

Брантли и Бишоп начинают о чем-то тихо переговариваться. Если мои наблюдения верны, то они кажутся самыми спокойными из компании. Думаю, Нейту я нравлюсь, но насчет остальных парней я не уверена. Если не считать того небольшого разговора на кухне прошлой ночью, у меня мало оснований для выводов, но сейчас все они заставляют меня чувствовать жуткий дискомфорт.

Я умоляюще смотрю на Нейта.

– Я могу с тобой поговорить?

Его лицо принимает спокойное выражение.

– Да, давай.

Он берет меня за руку, и я виновато улыбаюсь Татум:

– Это ненадолго.

Переведя взгляд на Бишоп, я замечаю, как он наблюдает за пальцами Нейта, сжимающими мою руку. Не знаю почему, но я тут же вырываю у него ладонь. Нейт застывает, а затем хмурится, заметив мой взгляд в сторону Бишоп.

Что за хрень?

Мы направляемся в сторону лестницы у главного входа, на которой можно удобно устроиться и поговорить. Некоторые здесь даже обедают. Честно говоря, они куда более подходящий круг общения для меня – в отличие от Нейта и членов его дурацкого клуба.

– Что случилось? – спрашивает он, когда мы выходим наружу.

Я вздыхаю.

– Ничего, я просто... ох, это все слишком, – начинаю я. – Что за слухи о вас ходят?

Мы продолжаем спускаться по ступеням, Нейт засовывает руки в карманы.

– Что ты слышала? – он не поворачивается в мою сторону.

Я украдкой перевожу на него взгляд каждые две секунды, одновременно смотря себе под ноги.

– Ну, разве что Татум рассказывала о каком-то «Клубе Элитных Королей»...

Я вопросительно замолкаю.

Он смеется, запрокидывая голову.

– Мэди, этот клуб – просто легенда. Ну, ты знаешь, вся эта подростковая любовь к тайнам и драмам.

Его смех кажется натянутым, а улыбка вынужденной.

– Хорошо, – говорю я. – Тогда расскажи мне побольше об этой легенде.

Он ухмыляется, делая паузу.

– Может быть, однажды, только... не сегодня.

– Когда? – Я игриво ухмыляюсь. – Почему не сегодня?

Его взгляд уходит куда-то вдаль, лицо становится серьезным. Потом он снова смотрит на меня.

– Еще не время. Я скажу тебе, когда пойму, что ты сможешь с этим справиться.

Он подмигивает мне, прежде чем развернуться обратно к дверям. Когда я оглядываюсь, чтобы понять, куда он смотрел, то краем глаза улавливаю спину Бишопы, возвращающегося в здание. Я вздыхаю и качаю головой, гадая, в какой именно момент моя жизнь стала настолько насыщенной событиями.

Глава 7

Я собираю волосы в высокий хвост, когда Нейт входит в мою комнату. Сегодня мы вместе доехали до дома и, кажется, все было не так уж и плохо. Мы снова не смогли договориться о том, что будем слушать по дороге, и в конце концов Нейт сказал, что если я еще раз прикоснусь к проигрывателю, то мне придется идти остаток пути пешком. Хотя его ухмылка давала мне все основания не принимать эти слова всерьез.

– Привет!

Я натягиваю кожаную куртку на белую майку, которую я подобрала к узким джинсам и своим привычным конверсам.

Он прислоняется к дверному косяку, держа в руках пакет чипсов, как всегда, без рубашки, в джинсах с низкой посадкой и перевернутой кепке. Он указывает на меня.

– Куда идешь?

– Хмм... – отвечаю я, поднимая телефон с кровати. – В торговый центр с Татум.

– Так-так, с Татум? – он дразнит меня, слизывая с пальцев крошки от чипсов. – У нее есть парень?

Он медленно вытаскивает палец изо рта.

– Я бы не сказал, что меня останавливают чьи-то отношения, но...

Я прерываю его жестом руки.

– Не знаю. Думаю, да. Ты собираешься подвинуться? – спрашиваю я, указывая на коридор.

Он самодовольно смотрит на меня, и в эту минуту в его кармане начинает играть «Rockstar» Chamillonaire. Улыбка исчезает, он быстро заходит в свою спальню и закрывает за собой дверь.

– Тут все такие странные, – бормочу я себе под нос, закрывая за собой дверь своей комнаты.

Сделав шаг вперед, я врезаюсь в чей-то торс. Он такой же стальной, как у Нейта, но... кажется немного массивнее.

– Черт, – бормочу я, проводя рукой по лбу.

Когда я поднимаю взгляд, то вижу Брантли.

– Нейт в своей комнате. Прости, – извиняюсь я.

Его глаза темнеют, кажется, он готов зарычать, но как только он собирается что-то произнести...

– Брантли! – позади него раздается окрик.

Воздух словно сгущается, и, заглянув ему за спину, я вижу Бишоп, чьи глаза прикованы к затылку Брантли.

– Иди в комнату Нейта.

Брантли снова прищуривается, глядя на меня, но все же идет по коридору к спальне.

Как только за ним закрывается дверь, я фыркаю и смотрю на Бишоп.

– Кто-то украл его игрушки?

Бишоп не отрывает глаз от двери Нейта, не обращая на меня никакого внимания.

Я ругаюсь себе под нос:

– Извини, привет, я Мэдисон.

Он наконец переводит на меня взгляд. У него действительно изумительные глаза, и дело не только в их глубоком нефритово-зеленом оттенке, но и в необыкновенной форме. А его взгляд? Кажется, он видит меня насквозь, заглядывая в каждый уголок моей души.

– Хотел бы я сказать, что сожалею, – бормочет он в ответ, переводя взгляд на дверь Нейта.

Я поворачиваюсь, чтобы проследить за его глазами.

– Не беспокойся об этом, – тихо шепчу я.

– Я привык.

Я отхожу в сторону, чтобы обойти его, но он преграждает мне путь движением руки.

Он внимательно исследует мои глаза, затем опускает взгляд на губы и снова возвращается к глазам.

Я опускаю голову:

– Можно я пройду?

Он ничего не говорит и просто смотрит на меня несколько секунд, прежде чем, наконец, пойти в комнату Нейта вслед за Брантли.

Качая головой, я выхожу из дома и вижу, как Татум подъезжает на своем голубом Ferrari с черными дисками на колесах. Это самый красивый Ferrari, который я когда-либо видела, и он идеально подходит Татум. Ее родители всегда в разъездах, и Татум шутит, что для нее «провести время с семьей» – поход в кинотеатр на самые кассовые фильмы. Мне бы хотелось ей посочувствовать, но не думаю, что она сильно из-за этого переживает. Я сжимаю дверную ручку и уже собираюсь проскользнуть на пассажирское сиденье, но, мимолетно взглянув на окно в комнату Нейта, обнаруживаю, что все трое парней внимательно за мной наблюдают. Моя улыбка исчезает, но я все же забираюсь внутрь автомобиля.

– Привет, дорогуша! – Татум воодушевленно хлопает в ладоши. – Готова спустить все наши наличные?

Поездка до торгового центра оказалась короткой, потому что Татум оказалась любительницей быстрой езды. Мы бродим по магазинам, и Татум, в отличие от меня, искренне увлечена поиском идеального наряда. К четвертому магазину я сдаюсь и вручаю ей платиновую карту моего отца, позволяя ей выбрать для меня то, что она считает нужным. В мире нет ничего, что я ненавидела бы сильнее шопинга. Наконец она выходит из одного из бутиков с подозрительной ухмылкой на хорошеньком лице, и я нервно вздрагиваю. Я почти чувствую, как мои внутренности съеживаются от того, насколько обтягивающий наряд она для меня выбрала. Схватив меня за руку, она тащит нас к маленькому магазинчику необычных безделушек, на ходу поправляя платье:

– У тебя ведь новая комната. Я подумала, что стоит что-то для нее выбрать. Конечно, я там еще не была, но ты ведь только приехала и, должно быть, там очень пусто.

Я вижу ее добрые намерения и, стараясь привыкнуть к тому, что кто-то и правда может быть со мной мил, киваю:

– Хорошая мысль. Мне нравится украшать дом.

– Чудно! – она хлопает в ладоши. – Рада, что тебе тоже это интересно.

Мы заходим в магазин, интерьер которого выполнен в темно-фиолетовых тонах. Кругом расставлены горячие лавовые лампы и ароматные благовония. Мое внимание сразу же привлекает светильник, который проецирует разноцветные огоньки на стену в конце магазина. Подойдя к нему, я улыбаюсь:

– Я хочу этот!

Брови Татум поднимаются:

– Ты уверена? То есть он довольно милый, но куда ты собираешься его повесить?

Подойдя к нему, я опускаюсь на колени и приподнимаю лампочку:

– Можно повесить на потолок.

Я поворачиваю лампу вверх, и над нами тут же появляется звездное небо.

– Вот это да! – шепчет Татум. – Так выглядит намного лучше.

Я киваю:

– Это напоминает мне о том, как родители брали меня с собой на охоту и мы ночевали в лесу.

Она напрягается:

– На кого именно вы охотились?

Я встаю:

– Просто на оленей. Или на уток.

Лицо Татум снова расслабляется.

– Это звучит... не так уж плохо.

Я смеюсь:

– Да! И нам с тобой нужно будет как-нибудь выбраться.

– Ага, – говорит она, глядя в сторону. – Может быть.

– Эй, – я хлопаю ее по плечу, – я согласилась на шопинг, так что теперь ты обязана пойти на охоту.

Она сглатывает. Я смеюсь, в то время как к нам направляется одна из сотрудниц.

– Оооо, – говорит она, глядя на потолок. – Так вот как это работает.

Я снова смеюсь, глядя на звезды:

– Думаю, да.

Консультантка поворачивается в мою сторону. Она примерно нашего возраста, у нее длинные пастельно-розовые волосы, заплетенные в косу, ярко-зеленые глаза и оливковая кожа. Ее маленький нос-пуговка морщится от смеха:

– Мой промах.

Она отступает на пару шагов назад, оставляя светильник в том положении, в какое я его поставила:

– Спасибо. Вы наверняка спасли мою задницу от выговора.

– Ох, – отвечаю я. – Без проблем.

Она берет одну из коробок и передает мне, затем мы следуем за ней обратно к кассе. Она подмигивает и улыбается.

– Крутая штука, да?

– Ага! – отвечаю я на ее улыбку. – Я здесь новенькая, поэтому Татум решила, что мне нужно чем-то украсить комнату.

– О, так ты новенькая? – она внимательно нас оглядывает. – Мне, наверное, не нужно спрашивать, в какую школу ты ходишь.

– Академия Риверсайд.

Она кивает с легкой улыбкой.

– А ты в какой школе учишься? – спрашиваю я, опираясь на прилавок.

– Школа Хэмптон-Бич.

– Ого!

Публичная школа? Там мне точно было бы комфортнее.

Она указывает на лампы:

– У нас есть лампы, которые издают природные звуки. Создается ощущение, будто ты находишься в лесу.

Я тут же интересуюсь и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на светильники, о которых говорит девушка.

– Серьезно? – бормочет под нос Татум.

Я игнорирую ее слова, иду прямо к лампам и жадно хватаю одну из них:

– Спасибо! У моего сводного брата вечеринка в эти выходные, и она пригодится мне, если я захочу уснуть. Может, тогда у него появится шанс выжить, – говорю я с улыбкой.

Она разражается смехом, и я наклоняю голову:

– Слушай, а ты любишь вечеринки?

* * *

Обменявшись номерами с консультанткой, которую, как выяснилось, зовут Тилли, мы садимся в кафе и до отвала наедаемся жареной едой и шоколадными пирожными.

– Не могу поверить, что ты ее так просто пригласила! – Татум закидывает в рот куриное мясо. – Ммм, но она кажется милой, правда?

– Верно, – соглашаюсь я. – Так что будь с ней повежливей.

– Эй! – возмущается Татум. – Я всегда вежлива!

Это было несправедливо с моей стороны. Она и правда всегда очень добра ко мне. Я улыбаюсь, засовывая в рот еще один кусок пирожного, и он тает у меня на языке, смешиваясь с мороженым. Оказывается, Татум такая же сладкоежка, как и я, и завтра мы планируем устроить девичник с тоннами конфет. Татум сказала, что хочет посмотреть какую-нибудь мелодраму, но я заявила, что не люблю банальные ромкомы[5 - Романтическая комедия – лирическая комедия про любовные отношения героев.]. Поэтому мы договорились, что я выберу фильм, а она принесет конфеты. Беспроблемный вариант.

– Так каково быть младшей сестрой Нейта Риверсайда? – спрашивает Татум по дороге к дому.

– Я не его младшая сестра, – невозмутимо отвечаю я. – Не знаю почему, но он решил мучить меня при каждом удобном случае.

Она хихикает и резко давит на газ, из-за чего я с силой бьюсь о подголовник.

– Дорогая, если бы Нейт решил мучить меня, я была бы этому только рада. Он самый крутой парень в Риверсайде. Он даже спал с Сашей Ван Хален.

– Я даже не удивлена, – бормочу я себе под нос, когда мы оказываемся у подъездной дорожки моего дома.

Саша Ван Хален – дочь крупнейшего американского магната. Ее обсуждали все таблоиды – горячие сплетни и все такое.

– И последнее, – говорит Татум, нажимая на тормоз. – Я хочу поговорить с тобой о них. – Она указывает на окно Нейта. – Сегодня за обедом ты привлекла внимание Бишоп.

– Вряд ли, – усмехаюсь я, качая головой.

– Мне стоит рассказать тебе кое-что о Бишопе Винсенте Хейсе, – начинает она, и я наклоняю к ней голову. – Насколько я знаю, он встречался только с одной девушкой, и она правда много для него значила. Они были вместе много лет. Все считали, что Бишоп и Хейл связала судьба; им словно было предначертано быть вместе. Они знали друг друга с детства, потому что мама Хейл была наркоманкой и постоянно оставляла ее одну. Хейл училась в средней школе Хэмптон-Бич, которая находится в неблагополучном районе, и Бишоп пытался ее вытащить. Он очень старался, но в конце концов Хейл последовала примеру своей матери и тоже под села на иглу. – Татум вздохнула.

– Она умерла? – спрашиваю я с замиранием сердца, зная, каково это – терять того, кого любишь.

– Нет, но никто не знает, где она. Около двух лет назад она вроде как просто исчезла. В ту неделю, когда она пропала, всех парней не было в школе, а затем внезапно они вернулись в кафетерий так, как будто ее никогда не существовало. Кто-то пытался расспросить Бишоп о ней, но он чуть не сломал парню шею, так что все поняли, что это деликатная тема, и больше никогда не задавали вопросов.

Она снова делает паузу, ее ярко-голубые глаза смотрят прямо на меня:

– Я рассказываю тебе только потому, что очень многие пытались занять место Хейл. Насколько мне известно, с тех пор у Бишопы не было другой девушки. Прошло уже два года. Кстати, это подводит меня к следующей теме.

Я все еще пытаюсь осмыслить ту информацию, которую вывалила на меня Татум. Два года? Люди ведь не растворяются в воздухе. Всегда есть причина, по которой человек пропадает без вести. Татум прочищает горло:

– «Клуб Элитных Королей»...

– Я спросила об этом Нейта, и он сказал, что все это просто сплетни.

Она качает головой, светлые волны волос падают на ее стройные плечи:

– Они об этом не расскажут. Это все может звучать как обычная сплетня, но это чистая правда. Я видела метку.

– Метку? – мой мозг вот-вот взорвется от поступающей в него информации.

– Да, их всех заклеили, когда они были младенцами. Это ритуал, который проводят все родители.

– Но это безумие! – Мои плечи снова расслабляются. – Я услышала достаточно. Надеюсь, это все?

– Почти. Будь осторожна. Я знаю о них так много только потому, что изучала их столько, сколько себя помню. Я никогда не делилась своими мыслями с кем-то другим, потому что никто не общался с ними так близко, как ты. Ты должна быть очень осторожной, Мэди.

Я хватаюсь за ручку двери и открываю ее, вытаскивая свои сумки с заднего сиденья:

– Хорошо, я буду осторожна, но, по-моему, ты все-таки параноик.

Она слегка улыбается, пока я закрываю за собой дверь машины, а затем уезжает с моего двора.

Все это просто вздор.

Глава 8

Захлопнув входную дверь, я иду на кухню, переваривая информацию, которой только что поделилась Татум. Вытащив из холодильника колу, я закрываю дверь и едва не получаю сердечный приступ при виде Хантера, прислонившегося ко входу.

– Черт! – моя рука взлетает к груди.

– Прошу прощения! – он ухмыляется. – У Нейта тренировка, поэтому он поручил мне присмотреть за младшими.

– Присмотреть за младшими? – обиженно спрашиваю я. – Мне не нужна нянька.

Он пожимает плечами:

– Брантли здесь. Пока он тут, тебе не стоит оставаться без присмотра.

Я поднимаю голову, пробегая по нему глазами. Ростом около шести с лишним футов, он возвышается над моими пятью футами тремя дюймами.

– Почему? – спрашиваю я, переводя взгляд на стену. – Что он мне сделает?

Хантер делает паузу, поднося палец к верхней губе:

– Пока что тебе не стоит об этом думать.

– Я уверена, что смогу получить полную информацию, если спрошу у Татум, – бормочу я, держа у лица банку с колой.

– Татум? – он смеется. – Татум живет ради драм и сплетен. Ничего из того, что она говорит, не стоит принимать всерьез.

Его глаза слегка прищуриваются.

– А твои слова стоит? Мне не нужна нянька, – раздраженно бормочу я, направляясь к лестнице – и в очередной раз прямо в меня врезается гора мышц.

– Боже! – я вскрикиваю, раздраженная тем, что мой дом захватили таинственные парни, которые не могут ответить ни на один мой вопрос. Мой взгляд скользит вверх по широкой груди и останавливается на глазах Брантли. У него на подбородке небольшая щетина – ее совсем немного, но, уверена, она может поцарапать, – а глаза темные, словно бездонные ямы. И как только он открывает рот, я обнаруживаю, что его манеры полностью соответствуют мрачной внешности:

– Было бы неплохо, если бы ты держалась от меня подальше.

Это стало последней каплей, и я скрещиваю перед собой руки. Я та еще штучка.

– Что, черт возьми, я тебе сделала?

Спиной я чувствую присутствие безмолвно наблюдающего Хантера.

Глаза Брантли встречаются с моими, прожигая меня, словно горячий нож, режущий холодное масло:

– Само твое существование – проблема. Все было хорошо, пока ты не вернулась, – резко отвечает он, прежде чем оттолкнуть меня и направиться к двери.

Он останавливается, взявшись за ручку, и быстро смотрит на меня через плечо. Его темные джинсы свисают с узких бедер, а белая футболка облегает фигуру. Он что-то бормочет и распахивает дверь.

– Вернулась? – спрашиваю я Хантера. – Я никогда в жизни здесь не была.

Он наблюдает за мной, отталкиваясь от стены:

– Он просто имел в виду то, что ты приехала.

Направляясь к входной двери, он наконец оставляет меня одну:

– Я уйду. Моя помощь тут больше не требуется.

Я остаюсь на том же месте, рассеянно глядя на дверь. Что происходит? Сильно сбита с толку всем, что произошло в моей жизни за такой короткий промежуток времени, я поднимаюсь по лестнице в свою комнату, вытаскиваю альбом для рисования и сажусь за стол. Взяв со стола пульт, я нажимаю PLAY на своем проигрывателе. Затем я прижимаю карандаш к краю чистой белой страницы и начинаю рисовать.

Стук в дверь заглушает музыку и отрывает меня от рисунка.

Бум-бум-бум.

– Мэди!

Отодвигая стул, я смотрю на будильник, который стоит на прикроватной тумбочке. Черт! Сейчас 17.30. Я рисовала ровно три часа без перерыва. До смерти мамы я делала так по меньшей мере трижды в неделю, если не чаще, но после ее смерти мне стало гораздо труднее заниматься творчеством. Музыка всегда была для меня отдушиной, а зарисовки – чем-то личным, чем-то, что мы с мамой делали вместе.

Открыв дверь спальни, я вижу на пороге Татум.

– Мне так жаль, – бормочу я. – Я немного увлеклась своим рисунком.

Татум проходит мимо меня, сжимая в одной руке книгу в мягкой обложке, а в другой – розовую спортивную сумку:

– Я вижу.

Она указывает на мою голову, имея в виду растрепанный пучок, нелепо покосившийся на правую сторону.

– Эй! – я хихикаю, указывая на кровать. – Это еще ничего. Тебе стоило бы увидеть их утром.

Это правда, потому что моя утренняя прическа не поддается никаким описаниям. Мои волосы густые и длинные и вдобавок завиваются в естественные упругие волны, доставшиеся мне благодаря маминым испанским корням.

– Да ладно тебе.

Я с подозрением оглядываю Татум:

– А где твоя пижама?

Она с улыбкой смотрит на меня, вытаскивая пачку конфет:

– В сумке.

Я наклоняюсь, выхватывая сладости из упаковки, и иду к своему шкафу, вынимая хлопковые пижамные шорты и легкую майку:

– Я приму душ. Когда я вернулась, то не успела привести себя в порядок.

– О, – Татум с притворным трепетом прижимает руки к груди, – ты прихорашиваешься для меня, да?

– Еще чего! – усмехаюсь я, направляясь к ванной.

Приняв душ, я быстро чищу зубы, на случай если засну во время просмотра фильма, и запираю дверь со стороны Нейта.

Вернувшись в комнату, я в замешательстве смотрю на гору сладостей у ног Татум.

– Мать б...

– Что? – невинно спрашивает она. – Ты недооценивала мое пристрастие к сладкому?

Я смотрю на чизкейк, картофельные чипсы, M&M, глазированные пончики, мармеладных мишек и газировку.

– Я думаю, после этого нас обоих ждет диабет.

Татум бросает горсть M&M в рот.

– Возможно.

– Я пойду и принесу ложки. – Щелкаю я пальцами в сторону чизкейка.

Оставив ее один на один со сладостями, я спускаюсь по лестнице и бегу на кухню, качая головой в такт мелодии «Simple Man» Lynyrd Skynyrd – она застряла у меня голове после рисования. Сжимая в руке две ложки, я вылетаю с кухни, но останавливаюсь у подножия лестницы и осторожно заглядываю в гостиную, где на большом диване снова сидят все парни.

Нейт откинулся на спинку, прикрывая рукой рот, но морщинки вокруг его глаз выдают то, как сильно он пытается сдержать смех.

– Что? – огрызаюсь я на него, игнорируя остальных ребят. Боже, он меня раздражает.

Он качает головой:

– Ничего такого.

Мои глаза сужаются:

– Ага, конечно.

Я смотрю налево и вижу Бишоп, раскинувшего руки на кресле. Темная футболка облегает его фигуру во всех нужных местах, а джинсы небрежно сидят на бедрах. На ногах у него белые Air Force, и к моменту, когда я успеваю полностью изучить его взглядом, выражение его лица меняется. Я снова вижу его обычную стервозную физиономию, которую, стоит заметить, он делает просто профессионально.

– Разве вам больше негде встретиться? Почему именно здесь? – я наклоняю голову, глядя на парней.

– Успокойся, котенок. Я работаю няней, так что нам приходится здесь оставаться, – Нейт делает паузу, его ухмылка становится шире. – Если, конечно, ты не захочешь куда-нибудь поехать с нами.

Я оглядываюсь на Бишоп и вижу, как его взгляд, все еще направленный на меня, темнеет. Эйс почему-то раздраженно одергивает Нейта.

– Во-первых, – спокойно говорю я, – никогда больше не называй меня котенком. Или я тебя пристрелю.

Я делаю паузу, внутренне посмеиваясь над его изменившимся выражением лица. Наверное, это было не очень хорошо, особенно учитывая, что все они считают меня сумасшедшей из-за случая с мамой.

– Во-вторых, – добавляю я, – я не ребенок. Я могу сама о себе позаботиться.

Конец фразы больше похож на бормотание, но все же я уверенно разворачиваюсь и поднимаюсь по лестнице. Добравшись до верха, я оглядываюсь через плечо, чувствуя на себе чужой взгляд. Бишоп смотрит на меня снизу.

Не выдержав, я поворачиваюсь прямо к нему:

– Что?

Он почти со мной не разговаривал, не считая того случая с Брантли. Татум предупредила меня о его репутации, и это выступало прямым доказательством

его заносчивости и надменности. В любом случае – я повторяюсь – его личность не вызывает у меня ничего, кроме желания поскорее сбежать. Он напоминает мне королевскую кобру. Бесшумный, смертоносный и заставляющий вас бесконечно гадать, в какой момент он на вас набросится.

Его безэмоциональное лицо сохраняет обычное каменное выражение, сильная челюсть напряжена, пока в конце концов я не разворачиваюсь и не возвращаюсь в свою комнату. Мое сердце бешено колотится, в горле нарастает ком, а во рту становится сухо. Прислонившись головой к дверному проему, я наблюдаю, как Татум располагается на кровати, теперь уже в пижаме.

– Все в порядке?

– Да, – отвечаю я, протягивая ей ложку. – Давай просто съедим все эти сладости.

Я отправляю в рот огромный кусок шоколадного чизкейка, одобритительно мыча из-за нежного сливочного вкуса, обволакивающего мой язык.

– А теперь расскажи мне, – говорит Татум, собирая свои длинные волосы в пучок на макушке и снимая очки в тонкой оправе, – как тебе удалось привлечь внимание единственного и неповторимого Бишопы Винсента Хейнса?

– О боже, только не это, – бормочу я себе под нос, отламывая еще один кусок торта. Фильм уже давно начался, и на фоне слышатся тихие выстрелы. – Он просто на меня посмотрел. Это совсем не значит, что он мной интересуется – или что им интересуюсь я, если уж на то пошло. Я не такая.

– Ммм... – Татум слизывает с ложки остатки чизкейка. – А теперь повтори это еще раз. Только постарайся сделать это чуть более убедительно!

Я хватаю подушку и бросаю ей в голову, но она ловит ее, падает на спину и смеется.

– Ладно, ладно, извини, но все же стоит заметить, что это – она жестикулирует между нашими глазами, – то, что вы двое вытворяли... Я ни разу не видела ничего подобного. Никто в академии не был достоин его королевского высочества.

Она делает многозначительный взгляд и открывает пакет с мармеладными мишками.

– Откуда ты знаешь? Может, он просто осторожничает.

Она качает головой:

– Нет, он был с другими девушками, но они не из Риверсайда. Они... – Татум делает паузу, подбирая подходящие слова, – знаменитости и все такое.

Разочарованная ее косноязычием, я прошу пояснений:

– Знаменитости – и все такое?

Она кивает, не обращая внимания на мою колкость:

– Ага. Но это все слухи. Никто лично не видел его ни с одной из девушек, с которыми он, по-видимому, встречался. Я имею в виду дочерей магнатов, наследниц и прочую скучную ерунду. Единственной девушкой, о которой можно говорить со стопроцентной уверенностью, была Хейл, и только потому, что они всегда были вместе. Их отношения были похожи на современную сказку про Золушку, где бедная принцесса нашла своего принца.

– Оу! По-моему, ты преувеличиваешь.

Качая головой, она кладет себе в рот еще одного мармеладного мишку, и я тянусь за таким же, пока она не успела съесть всю пачку в одиночку.

– Да, наверное. Конечно, он был таким же надменным, но, по крайней мере, когда она была рядом, он улыбался и не посылал людей куда подальше, если они подходили к нему ближе чем на метр.

Я выдохнула:

– Ну... тогда, думаю, ей повезло. Возможно. Потому что он выглядит засранцем.

Татум смеется, бросая в меня мармеладного мишку:

– Видишь... Я знала, что мы будем подругами.

Она была права.

Глава 9

Раздражающий звук рингтона, доносящийся с прикроватной тумбочки, предательски вырывает меня из объятий сна. С недовольным ворчанием я сажусь на кровати и пытаюсь с закрытыми глазами нащупать телефон, случайно задевая спящую рядом Татум.

– Я не хочу в Конфетное Королевство, – сонно бормочет она, переворачиваясь на бок.

Я сдерживаю смешок, снимаю блокировку с телефона и прижимаю его к уху.

– Привет? – шепчу я, стараясь не разбудить Татум.

– Сестренка...

Я смотрю на экран своего телефона, щурясь от яркого света, бьющего мне в глаза. Сильнее прижимая мобильник к уху, я шепчу:

– Нейт! Что тебе нужно?

– Почему ты шепчешь? – бормочет он. – Черт!

Я слышу его недовольное рычание, и чей-то голос на заднем плане:

– Ты не за этим звонишь, ублюдок.

Я захожу в ванную, включаю свет и тихо закрываю дверь.

– Что вообще происходит? Какого хрена ты звонишь мне... – Я снова смотрю на свой телефон. – Черт возьми, сейчас три часа ночи?

К концу фразы я говорю уже почти в полный голос.

– Мне нужна твоя помощь.

– Почему я должна тебе помогать? Я даже не уверена, нравишься ли ты мне!

– Почему? Я был к тебе добр. Думал, что у нас... ау! Черт! Ладно... – он вздыхает. – Честно говоря, Мэди, мне и правда нужна твоя помощь.

Его изменившийся тон заставляет меня немного занервничать, и вместо того, чтобы продолжить на него злиться, я чувствую беспокойство.

Закрыв глаза, я опираюсь на раковину и обхватываю лицо руками:

– В чем дело?

– Черт, не могу поверить, что и правда это делаю, – бормочу я себе под нос, уже совершенно не думая о том, что могу разбудить Татум. Затем захожу в свою гардеробную, надеваю толстовку поверх пижамы и убираю волосы в тугий высокий хвост. Уходя, выключаю за собой свет, на ходу взглянув на безмятежно спящую подругу, и спускаюсь вниз по широкой лестнице. Скрип моих резиновых подошв по плитке – единственный звук, который сопровождает меня на пути к подземной парковке. Добравшись до нужной двери, я толкаю ее, и предо мной открывается вид на просторное белое помещение десятиместного гаража, больше напоминающего выставочный зал, с симметрично припаркованными автомобилями.

Увидев иссиня-черный Escalade[6 - Внедорожник люкс-класса, выпускаемый Cadillac.], я снимаю висящие на крючке ключи и нажимаю на кнопку разблокировки, которая отзывается характерным писком. Проведя в уме нехитрые расчеты, я раздраженно вздыхаю. У Нейта явно проблемы с математикой. Как, черт возьми, я должна уместить их всех во внедорожник, в

котором всего семь пассажирских мест? Выдвинув багажник, я устанавливаю дополнительные сиденья и направляюсь к водительскому креслу. Заведя машину, я звоню Нейту по громкой связи и кладу телефон в бардачок.

– Все в порядке? – спрашивает он.

– Нет, Нейт, все очень хреново. Сейчас три часа ночи, а ты позвонил мне, чтобы я забрала вас всех хрен знает откуда в гребаной семиместной машине. Кстати, если тебе вдруг интересно, с утра мне обычно требуется кофеин, без которого я не в состоянии нормально функционировать, и я, черт возьми, никакой не жаворонок. Лучшее, что можно сделать с человеком в три часа ночи – оставить в покое...

– Ты уже выехала? – невозмутимо спрашивает он.

– Я тебя убью.

– Сестренка, ты на громкой связи.

– Мне все равно.

Он смеется.

– Говори, куда ехать, – рявкаю я.

Он продолжает умничать на протяжении всего пути. По мере того как я, следуя указаниям Нейта, проезжаю очередной поворот, машина оказывается все ближе к самой окраине города:

– Сейчас ты должна повернуть на темную частную дорогу, ведущую налево. Видишь ее?

По моей спине пробегают мурашки:

– Что? Да.

Я провожу взглядом слева направо и с полной уверенностью могу сказать, что видела проносящиеся мимо моего окна странные тени, переплетающиеся с деревьями, растущими на обочине дороги.

– Умница, – он делает паузу, – теперь поверни.

Его спокойный тон кажется не совсем искренним, но для него самого будет лучше, если они и правда в беде и я не еду неизвестно куда просто так. В противном случае даже не могу представить, какая участь его ожидает.

Конечно, если я сама останусь жива. А если нет, то все равно явлюсь в виде призрака и уничтожу каждого из них.

Я еду по темной, жуткой, ухабистой дороге, засыпанной гравием, и свет от фар внедорожника – единственное, что дает мне хоть какой-то ориентир. Я нервно сглатываю. Какого черта их занесло в такую глушь и почему он сказал мне сюда приехать?

– Нейт? – шепчу я. – Может, я не там повернула.

Тишина.

– Нейт! – кричу я в трубку. – Это не смешно.

– Я не смеюсь, сестренка. Продолжай ехать. Мы уже видим фары.

Что я делаю? Я полагаюсь лишь на тот факт, что мы с Нейтом немного сблизилась и наши родители вместе. Не уверена, что это стоит моей жизни. Нет, он со мной так не поступит. Я просто параноик. Единственный раз в моей жизни, не считая школы, когда я не взяла с собой гребаный пистолет. Я облажалась. Мой папа явно не обрадуется тому, что я не ношу с собой защиту, а мама, несомненно, прямо сейчас кричит на меня с того света из-за того, что я пропустила мимо ушей все их уроки об огнестрельном оружии. Я полностью облажалась как дочь. Думая об этом, я сильнее вжимаюсь в кресло.

– Нейт, я ни хрена здесь не вижу, но... о боже!

Я жму на тормоза, и машину заносит. Крепче сжимая руль, я в то же время пытаюсь разблокировать защелки на двери.

– Нейт! – я кричу в трубку.

Тишина.

Я медленно поднимаю взгляд к лобовому стеклу, густая пыль от шин все еще клубится в воздухе.

И вот я снова это вижу.

Десять человек.

Десять темных толстовок с капюшонами, скрывающих их лица.

Десять...

– Нейт? – наступает понимание. Десять.

Переключив передачу, я сдаю назад – плевать, есть ли сейчас за мной что-то или кто-то – когда лобовое стекло вдруг разлетается на миллион кусочков, крошечные осколки стекла падают мне на колени. Я кричу, защищая лицо ладонями, и тут чья-то рука проскальзывает в салон и открывает дверь изнутри.

Где-то надо мной разносится хриплый смешок, и ладонь в кожаной перчатке зажимает мой рот.

– Привет, Мэдисон. Ты можешь не знать, кто мы, но зато мы знаем тебя. Мы хотим сыграть в игру. Вот что случится с тобой, если ты проиграешь...

Глава 10

Я кусаю ладонь, понимая, что не смогу причинить ему никакого вреда из-за кожаной перчатки, но я не собираюсь сдаваться без боя. Он смеется, продолжая тащить меня по земле, а затем резко меня бросает. Моя спина с глухим стуком ударяется о гравий. Волосы закрывают мое лицо, и я едва различаю приближающиеся ко мне темные руки. Страх заставляет мое тело работать с удвоенной силой, поэтому я резко выбрасываю вперед ногу, пинаю и пытаюсь вырваться. Я не сдамся без боя, это точно.

– Какого хрена ты делаешь? – кричу я на него.

Схватив мои ноги, он легко перебрасывает меня через плечо.

– Нейт! – кричу я на него. – Я убью тебя. Клянусь, черт возьми, ты уже покойник!

– Нет, если мы убьем тебя первыми. Заткнись на хрен.

Некто продолжает нести меня по каменистой дороге, но вдруг мы останавливаемся.

Я поднимаю голову и вижу четыре темные тени, следующие за нами. Все они в капюшонах, закрывающих лица. Изучив каждого из них, я останавливаюсь на том, кто, как мне кажется, является Нейтом.

– Почему?

Он делает паузу, а затем идет ко мне, в то время как тот, кто меня держал, снова бросает меня на землю.

– Почему, Нейт? – кричу я, моя задница ноет от удара о гравий.

Нейт – думаю, это он – подходит и садится на корточки рядом со мной. Он наклоняется вперед, и если бы не лыжная маска, я бы точно увидела на его лице ухмылку.

– Ты ведешь себя так, как будто ничего не знаешь.

– Что? – я поворачиваюсь и смотрю, как он поднимается на ноги и открывает заднюю дверь длинного лимузина.

– Завяжите ей глаза, – говорит другой голос.

– Что? – я мотаю головой из стороны в сторону, пытаюсь одновременно смотреть за каждым из них. – Нет! – я отступаю до тех пор, пока моя задница не ударяется о машину.

Из автомобиля появляется чья-то сильная рука, обвивает мою талию и втягивает меня внутрь. Я кричу – настоящим девчачьим криком, – и на мои глаза тут же натягивают повязку, полностью лишаящую меня зрения.

Тишина.

Я ничего не вижу.

Все, что у меня остается, – это слух. Дыхание, глубокое дыхание... Вдохи и выдохи. Это все, что я слышу, когда машина проседает под весом садящихся внутрь людей. Моя грудь поднимается и опускается, а гнев усиливается с каждой секундой. Я слышу, как закрывается дверь и мы отъезжаем от того места, где находились.

– Какого хрена тут происходит? – решаю я нарушить тишину.

– Прекрати, сестренка.

Нейт. Он сидит рядом со мной.

Тот, кто затащил меня в машину, сидит по другую сторону. Моя голова поворачивается туда, где находится Нейт.

– Что за хрень? Ты действительно начинаешь меня бесить. Я не понимаю, о чем ты, черт возьми, говоришь. Я приехала сюда, потому что думала, что вы, уроды, попали в беду! Значит, ты хочешь сказать...

– Черт возьми, заткните ее кто-нибудь.

Это произнес кто-то с другой стороны. Нейт усмехается, но я игнорирую его. Моя голова поворачивается на голос.

– Ой, простите. И правда. Мне чертовски жаль, что я покинула свою теплую постель и примчалась, чтобы убедиться, что все вы, блин, в безопасности, и выручить вас из того, во что вы вляпались!

– Нейт, приятель, твоя мать точно собирается замуж за ее отца? Потому что мне тебя жаль. – Произносит еще один голос откуда-то сзади.

Я поворачиваюсь, не зная, видят они меня или нет.

– Сестренка, води себя хорошо. Делай, как тебе говорят, и все закончится мирно.

– Да, за исключением того факта, что она не способна делать то, что ей, черт возьми, говорят. – Снова звучит голос рядом со мной. Он глубокий, властный и...

– Черт тебя побери! – огрызается Нейт. – Тогда скажи мне, что с ней, на хрен, делать, потому что я не знаю! Она девушка!

– Уверен? – спрашивает голос напротив меня. – Она обожает оружие, и у нее по-настоящему острый язычок. Может, она и не девушка. Мне стоит проверить?

– Отвали, Хантер. – Голос Нейта.

Я застываю.

– Никто ничего не будет проверять.

– Я хочу у тебя кое-что спросить, сестренка. Отвечай мне честно, потому что иначе ты не выберешься отсюда живой.

– Куда вы меня везете? – спрашиваю я, подражая его тону. – И что происходит, черт возьми?

– Отвечай, – отзывается другой голос рядом со мной.

– Извини, а не хочешь сам надеть эту гребаную повязку на глаза? – огрызаюсь я.

– Я не возражаю! – отвечает другой голос.

– Заткнись, Кэш! – Нейт снова злится.

– Кэш? – усмехаюсь я.

– Ты тоже! – кричит Нейт уже мне. – Молчи.

– Кто-нибудь снимет эту повязку с моих глаз?

– Мне нравится, как она на тебе смотрится, – шепчет тот же голос напротив меня.

Нейт рычит.

– Вернемся к моему вопросу! – кричит он, но на этот раз, кажется, не на меня. – Нам нужно знать, была ли ты здесь раньше.

– Где? – спрашиваю я.

– В Хэмптонсе.

– Нет. – Мгновенный ответ.

– Это чушь, – бормочет голос рядом со мной.

– Ты девственница? – спрашивает Нейт.

– Что? – бормочу я. – Что это за вопрос?

– Отвечай.

– Точно да, – говорит тот, кто сидит рядом со мной.

– Ой, извини! – усмехаюсь я. – Может, ответишь на все вопросы вместо меня? Я только за.

– Сколько еще ты собираешься выкручиваться? – раздраженный голос сбоку.

– Я не...

По моему правому бедру, со стороны Нейта, скользит рука.

– Что ты делаешь?

Я отталкиваю его руку от своей ноги только для того, чтобы она тут же вернулась обратно.

– Давай, сестренка.

– Ладно, но если ты собираешься меня лапать, то не мог бы ты прекратить называть меня «сестренкой»?

Он смеется, его рука поднимается выше.

– Я бы предпочел обойтись без этого.

Нейт отстраняется.

– Нет, ты прав. Это слишком странно, Бишоп.

Он наклоняется надо мной, его дыхание касается моего лица.

– Да нет, я не это имел в виду!

Бишоп рычит. По-настоящему рычит.

– Давай, Нейт.

Я больше не чувствую руки Нейта и поворачиваю голову туда, где находится Бишоп, чтобы спросить, что, черт возьми, происходит. Внезапно я оказываюсь на спине, и меня прижимает чье-то тяжелое тело.

– Что ты делаешь? – шепчу я, чувствуя легкую панику из-за отсутствия зрения и невозможности пошевелиться.

– Бишоп, – предупреждает кто-то напротив меня.

Он прижимает меня сильнее, и я замолкаю. Теплое дыхание касается моей щеки.

– Отвечай мне, когда я задаю вопросы. Если ты солжешь, я сделаю то, что ты сочтешь неуместным. Поняла?

– Честно? Нет, я не...

Его рот прижимается к моему, я чувствую его теплые, мягкие губы. Моя кровь закипает, в ушах появляется звон. Он отстраняется.

– Ты... – приближается он к моему уху, – поняла? – Рычит он мне в шею.

– Д... – я прочищаю горло. – Да.

– Нужно было просто поцеловать ее, чтобы она заткнулась? – произносит чей-то голос, затем я слышу хлопок и возглас: – Ай!

– Ты когда-нибудь лгала?

Что это за вопрос?

– Да.

– Ты девственница?

– Это сложный вопрос.

– Почему же? – спрашивает он.

Я легко могу представить, как сейчас он наклоняет голову.

– Ну... – Я прочищаю горло. Ты этого не вспомнишь. – Просто потому что.

Пауза. Тишина.

– Она не лжет, – шепчет Бишоп.

– Да, мы обсудим это позже, – говорит Нейт с другой стороны машины.

– Не уверен, бро.

– Ты мне доверяешь? – спрашивает Бишоп.

– Нет.

– Ты умная.

– Сомневаюсь, учитывая мои нынешние обстоятельства.

Он поднимается с меня, и я приподнимаюсь со своего места.

– Сними повязку.

Я хватаюсь за нее и стягиваю вниз. Золотые неоновые огни внутри освещают...
Nimmer? Неудивительно, что в него поместилось столько людей.

– Черт возьми, – шепчу я, оглядываясь по сторонам. – Где я?

Я смотрю на Бишопу и нахожу его таким же привлекательным, как и в школе. Хотя до этого мы с ним общались всего один раз, трудно понять, что это тот же человек. До сегодняшнего вечера я только наблюдала за ним со стороны, не считая той ночи, когда он заставил Брантли оставить меня в покое.

– Отвези ее домой.

Бишоп не смотрит на меня; он смотрит прямо на Нейта.

– Мы не можем этого сделать, – рычит Брантли из темного угла. Капюшон толстовки до сих пор закрывает его лицо, а Бишоп все еще одет в свои свободные рваные джинсы.

На этот раз Бишоп смотрит прямо на Брантли.

– Мы отвозим ее домой.

– Эм, не хочу быть назойливой, но вы, ребята, должны мне все объяснить. Вы вытащили меня из постели в три часа ночи, похитили, а потом... – На этот раз я смотрю прямо на Бишоп, его глаза наблюдают за мной из-под капюшона. Черт. Сосредоточься. – Поцеловали меня. Что, черт возьми, происходит?

– Ничего, о чем тебе стоит беспокоиться, – говорит Бишоп, не сводя с меня глаз. – По крайней мере, сейчас.

– Видишь ли, у меня проблема с...

Его рука тянется к моей, а затем он грубо тащит меня к себе, пока я не оказываюсь у него на коленях.

– Что ты делаешь?

Я упираюсь ему в грудь. Чертовски твердая, стоит заметить! Одна из его рук движется вверх по моему позвоночнику, к задней части моей шеи, в то время как другая остается на моем бедре. Он опускает мое лицо вниз, встречаясь со мной взглядом, его губы скользят по моим.

– Все что я, на хрен, хочу. А теперь сделай нам всем одолжение и заткни свой гребанный рот.

Я кусаю нижнюю губу. Его глаза опускаются на мой рот, прежде чем снова вернуться к моим глазам.

– Я только что поняла, что я все еще в пижаме. Да, я хочу домой. Отвезите меня домой.

Я слезаю с его колен, и через несколько секунд он ослабляет хватку. Плюхнувшись рядом, я смотрю на Нейта.

– Пошел ты.

– О, ты меня любишь.

– Нет, я уверена, что это не так.

– Конечно. – Он усмехается мне. – Прости, котенок.

– Нет. – Я качаю головой, распуская хвост и снова завязывая его на макушке. – «Котенок» меня тоже не устраивает.

– Но он милый, – усмехается Нейт.

– Да, в отличие от меня.

– Это правда, – бормочет Брантли. – Она чертовски меня раздражает. Назовите ее... крысой.

Я толкаю его так, что его глаза темнеют от злости. От этого у меня по телу бегут мурашки, потому что я на 100 процентов уверена, что он меня ненавидит.

Мы подъезжаем к моему дому, и когда машина останавливается, я тут же собираюсь выскочить из салона.

– Стой! – Нейт останавливает меня. – Я серьезно, сестренка. Ты никому не расскажешь о том, что происходило сегодня ночью.

– А что, черт возьми, происходило сегодня ночью? – спрашиваю я, глядя на них всех.

– Мы... я не могу говорить об этом с тобой.

– А зачем тогда меня похищать? – я смотрю прямо на Нейта. – Почему бы просто не сказать мне: «Эй, хочешь сыграть в «Правду или действие»?» Какого черта, Нейт!

– Черт, – ворчит он, а затем смотрит на Бишопа. – Мы должны были это сделать.

Бишоп пожимает плечами.

– Никогда не играл в эту гребаную игру и не собираюсь начинать.

Затем Бишоп смотрит на меня.

– И дело не в этом, котенок.

– Что? Ты не...

Нейт выталкивает меня и хлопает дверью. Я с открытым ртом смотрю на закрытую дверь, и в эту же минуту Hummer отъезжает от дома. Я поднимаю руку и притворно машу им, сомневаясь, что они вообще это увидят, а затем поднимаюсь по мраморной лестнице к тяжелым двустворчатым дверям. Я протяжно зеваю, и когда вижу большие часы, висящие на стене в гостиной, то понимаю почему. Солнце вот-вот взойдет, но я не хочу будить Татум и отвечать на ее вопросы о том, где я была, поэтому решаю остаться в гостиной. Сняв обувь, я стягиваю покрывало со спинки дивана и заворачиваюсь в теплый мягкий плед.

Глава 11

Я чувствую странную тяжесть в ногах, и первое, что я ощущаю...

– Бекон!

Я открываю глаза.

Татум заходит в гостиную со сковородой в руке, успев идеально уложить свои волосы.

– Вставай, нужно скорее позавтракать и выходить.

Я со стоном откидываюсь на спинку дивана:

– Школа...

– Да! – передразнивает она. – Школа! И, кстати, если мой храп так тебя раздражал, то нужно было попросту меня выгнать. Не стоило из-за этого спать здесь.

– Нет! – качаю я головой. – Это не так. Мне просто трудно засыпать с другими людьми.

Это не совсем ложь. На самом деле мне и правда непросто спать не в одиночестве. Я все время беспокоюсь. Не слишком ли громко я дышу? Что, если во сне я случайно прикоснусь к человеку? Конечно, не в сексуальном плане... а может, даже и в сексуальном? Мне сложно с этим справиться. Гораздо удобнее спать одной. И я не делюсь своим одеялом. Никогда.

Татум закатывает глаза, чувствуя ложь, но не понимая причину.

– Вставай уже. Пора завтракать.

Я встаю с дивана.

– Я выйду через секунду. Только забегу в душ.

Я поднимаюсь по лестнице и захожу в свою комнату, подумывая проверить, не вернулся ли Нейт. Нет, я не стану этого делать. Придурок. Я понятия не имею, что, черт побери, произошло этой ночью. Хочу ли я узнать больше? Да, возможно. Хочу ли я убить Нейта? Безусловно. Я также пришла к выводу – по дороге от дивана к спальне, – что они – безнадежно испорченная компания. Они

не только резкие, надменные и властные, но и... соблазнительные. Именно поэтому я должна держаться от них подальше любой ценой. Особенно от Бишопы Винсента Хейса. Этот ублюдок поцеловал меня! И... и мне это понравилось.

Полушепотом ругая саму себя, я решаю поехать пострелять после уроков. Поскольку сегодня пятница и Татум, несомненно, захочет чем-нибудь заняться на выходных, будет лучше, если я обеспечу себе отговорку как можно скорее. Я снимаю узкие брюки цвета хаки и белую майку и с наслаждением ныряю в душ, чтобы смыть с себя все воспоминания о сегодняшней ночи.

Нанося на волосы кондиционер, я изучаю взглядом пустую комнату Нейта, куда он, судя по всему, так и не возвращался. Столько пустой болтовни о том, что собирается обо мне заботиться. Хренов обманщик. Выйдя из душа, я стягиваю полотенце и быстро вытираюсь перед тем, как одеться. Высушив волосы, я наношу легкий макияж, позволяя темным кудрям свободно рассыпаться по спине, а затем натягиваю свои кожаные браслеты, среди которых есть тот, который подарила мне мама перед кончиной. Это браслет Pandora.

Мы покупали для него новые подвески в важные моменты моей жизни. По словам мамы, даже новый цвет волос был «важным моментом», так что да, на браслете была подвеска и в честь этого события. Стирая с зеркала пар от горячей воды, я изучаю свое лицо, проводя кисточкой с блеском по губам. У меня угловатый острый подбородок, пухлые губы и карие глаза. Мои ресницы от природы длинные и густые, а кожа светится изнутри естественным золотым сиянием, которым я обязана испанскому происхождению мамы. Не думаю, что я некрасива, но ничего особенного во мне тоже нет. Особенно, если поставить меня рядом с кем-то вроде Татум или Тилли.

Вернувшись обратно на кухню, я вижу, что Татум уже сидит на табурете и уничтожает свой завтрак.

– Приятно видеть, что ты чувствуешь себя как дома.

Я смеюсь, направляясь в сторону своей тарелки.

– В этом доме такая куча продуктов, которые никто не ест. Это преступление!

Я фыркаю, откусывая половину рогалика.

– В понедельник мой папа будет дома.

– Ммм, – говорит Татум, слизывая с пальца майонез. – Если честно, ваш дом кажется таким же пустым, как и мой. Без обид.

– Раньше такого не было, – говорю я, продолжая уничтожать свой весьма калорийный завтрак. – Ни за что бы не подумала, что ты любишь такую еду.

– Раньше я такое не ела, – робко произносит Татум.

Я не готова анализировать то, что она имела в виду, поэтому просто сосредотачиваюсь на своей тарелке. Наконец мы заканчиваем завтрак и выходим из дома. Ясное утреннее солнце тут же озаряет нас своими лучами. Я надеваю темные очки, пока Татум достает ключи от машины.

– Думаю, нам стоит поторопиться. Кстати, насчет вечеринки! Ты собираешься написать Тилли по поводу адреса и остальных деталей?

– Черт! – я сокрушенно вздыхаю, вспоминая, что оставила телефон в том самом внедорожнике отца, который все еще находится неизвестно где. Придется поговорить об этом с Нейтом, когда (или если) я его увижу.

– Эээ, – отвечаю я, заметив, что Татум вопросительно на меня смотрит. – Да, я напишу ей чуть позже.

Мне хочется задать ей несколько вопросов о «Клубе Элитных Королей», но боюсь, что мой вновь обретенный интерес к этой теме вызовет у Татум подозрения.

Вскоре мы подъезжаем к школе. Татум останавливается на частной студенческой парковке, и мы идем по направлению к школьному вестибюлю. Мы опоздали – ничего удивительного. Мчась по коридору, я толкаю дверь кабинета английского языка, и профессор, отвлеченный от своих каракулей на доске, с удивлением на меня смотрит.

– Очень мило, что вы решили к нам присоединиться, Монтгомери.
Присаживайтесь и смотрите, чтобы это не вошло в привычку.

Я виновато киваю, а затем отыскиваю взглядом единственное свободное место, оставшееся рядом с Элли. Она смотрит на меня с нескрываемой неприязнью, и я, стараясь как можно равнодушнее положить свои учебники на стол, опускаюсь на соседний стул.

* * *

– Мэдисон! – кричит кто-то позади меня, пока я иду к буфету.

Картер улыбается, берет поднос и подходит ко мне.

– А я и не знал, что ты новая сводная сестра Нейта.

– О нет. – Я закатываю глаза. – Только не говори, что ты тоже с ними тусуешься.

Он сверкает своей мальчишеской улыбкой, и я использую это короткое мгновение, чтобы повнимательнее рассмотреть его тело. Оно сильное и спортивное – он явно не пропускает ни одну футбольную тренировку. Его светлые волосы небрежно падают на лоб, а голубые глаза поблескивают.

– Нет... у нас разные круги общения.

Я откусываю от яблока и указываю на его университетский жакет.

– Вижу.

Я не имела в виду ничего обидного, просто... Нейт и его дружки одеваются не как остальные. Они все выглядят как спортсмены, но, готова поспорить даже на последний доллар, что никто из них никогда не держал в руках мяч.

– Значит, сегодня вечером ты будешь на его вечеринке? – спрашивает он, когда очередь почти доходит до нас.

Я разворачиваюсь и смотрю на него.

– Ага. А ты? – спрашиваю я, пока мы возвращаемся к столикам.

Он одаривает еще одной мальчишеской ухмылкой.

– Думаю, я нашел причину туда пойти.

Затем он подмигивает мне и медленно идет к своему столику.

Я все еще нелепо улыбаюсь от уха до уха, когда мой взгляд падает на хмурого Бишоп. Моя улыбка мгновенно исчезает, и в это время Нейт, расталкивая всех встречных, направляется прямо ко мне.

– Что это было?

– О чем это ты? – спрашиваю я, чувствуя, как стремительно изменилось мое настроение. – Ничего такого.

– Чушь, Мэди.

Я игнорирую его и направляюсь к своему столу, но тут его рука ловит мою ладонь, лишая меня возможности двигаться.

– Держись от него подальше.

Я вырываюсь из его хватки.

– Мне стоит держаться подальше от тебя, – шиплю я. – И, кстати, где мой телефон и мой внедорожник?

– Автомобиль дома, и вот твой телефон.

Он швыряет мне мой мобильник, я быстро ловлю его и наконец сажусь за стол.

– Что это такое, черт возьми? – бормочет себе под нос Татум.

Нейт мгновенно оказывается рядом со мной:

– Садись с нами.

– Нет.

Я беру бутерброд, не обращая внимания на его присутствие, но обеспокоенная его вниманием.

– Отлично.

Он хмуро смотрит на меня, а затем переводит взгляд на свору своих верных псов, издает громкий свист и кивает головой в мою сторону.

Не. Может. Быть.

Все семеро бросают свои вещи на мой стол, Нейт удобно располагается рядом со мной, а Бишоп садится прямо напротив.

– Я так не могу, – бормочу я про себя, качая головой.

– Не можешь что? – спрашивает Бишоп, приподняв бровь. – Может, хочешь сыграть в игру?

Татум напрягается и смотрит на меня. Я игнорирую все, что происходит вокруг, не отрываясь от темных, мутно-зеленых глаз Бишоп. Моя челюсть сжимается. Он откидывается на стул, и я вытягиваю ногу под столом так, чтобы она соприкасалась с его ногой. Его глаза слегка темнеют, на губах появляется ухмылка.

Татум откашливается. Я перевожу взгляд на нее, предоставляя Бишопу возможность продолжить игру в гляделки в одиночестве.

– Ты собираешься написать Тилли?

Я вытаскиваю телефон из кармана и открываю его:

– Да, сейчас ей напишу.

– Два вопроса, – начинает Нейт, откусив мой сэндвич. Я бью его по руке тыльной стороной ладони.

– Что? – спрашивает он с раздражением.

– Может, хватит? Я хочу есть. Возьми это.

Я бросаю ему энергетический батончик.

– Я не поел утром!

– Ты сам виноват, что не вернулся домой ночью. Ешь. Отдай... – Я выхватываю бутерброд из его цепких рук. – Назад!

Он с тоской смотрит на мой бутерброд, и я не могу удержаться от смешка.

– М-м-м. – Я с наигранным наслаждением откусываю сэндвич. – Итак...

Я медленно прожевываю кусок, прежде чем наконец его проглотить. Смахнув пальцем капельку майонеза с уголка рта, я облизываюсь и удовлетворенно заключаю:

– Восхитительно!

Я снова смеюсь, откусываю еще один большой кусок, а затем обращаю внимание на воцарившееся за столом молчание. Все смотрят на меня со странным выражением лица. Я снова перевожу взгляд на Нейта, собираясь спросить, что, черт возьми, происходит, и обнаруживаю его с открытым ртом.

– Так, – он забирает у меня бутерброд, – больше никаких сэндвичей с майонезом. Ясно?

Затем он одним разом засовывает в рот все, что осталось от моего бутерброда. Я отворачиваюсь от него и снова смотрю на телефон. Пролистывая контакты, я

нахожу Тилли и отправляю ей сообщение.

Я: Привет, это Мэдисон. Ты будешь сегодня вечером?

Тилли: Привет! Я ждала, когда ты напишешь. Я приеду, во сколько?

Я: Если хочешь, мы с Татум заедем за тобой после школы.

Тилли: Эм, меня подбросят.

Я: Ты уверена?

Тилли: Ага. Просто пришли адрес, и я приеду.

Отправив Тилли свой адрес, я снова смотрю на Татум.

– Она приедет сама.

– Вернемся к вопросам. Кто такая Тилли и есть ли у нее парень?

Я бросаю морковную палочку в Нейта, а потом возвращаюсь к тому, что еще осталось у меня на тарелке. Я смотрю на Брантли, который перестал сверлить меня ненавидящим взглядом, начав просто игнорировать мое существование, а затем перехожу к остальным парням, которые, кажется, отвлеклись от меня, переключившись на еду и общение друг с другом. В конце концов мой взгляд падает на Бишоп, и... он снова смотрит на меня.

– Знаешь, – шепчу я, медленно приближаясь к нему с дразнящей ухмылкой, – невежливо так пялиться.

Он стискивает зубы, его взгляд и выражение лица тверды и невозмутимы. Затем он наклоняется вперед, до тех пор пока его губы не оказываются так близко, что я чувствую на себе его дыхание.

– Знаешь, – шепчет он в ответ, наклоняя голову, – я думаю, тебе уже известно, какие у меня плохие манеры.

Я перевожу взгляд на его губы, а затем вновь возвращаюсь к глазам. Прищурившись, я встаю со стула.

– Да ладно, котенок, – насмехается Бишоп, пока я направляюсь к мусорному ведру, чтобы выбросить остатки еды, – я знаю, как тебе нравятся игры.

Я мельком смотрю на него через плечо и иду к женской половине школы. Татум тут же догоняет меня.

– Что, черт возьми, творится между тобой и Бишопом? – громко спрашивает она, привлекая внимание Элли и Лорен, которые убирают свои книги в шкафчики.

– Шшш! – ругаю я ее, направляясь к следующему кабинету. – Я расскажу тебе позже.

Она останавливается, позволяя мне завершить путь к аудитории в одиночку.

– Смотри у меня! – кричит она мне в спину.

Взглянув на часы и обнаружив, что у меня еще есть немного времени, я решаю зайти в библиотеку. Я еще там не была, так что пора это исправить.

Распахнув двойные двери, я сразу же погружаюсь в аромат старой бумаги, глубоких знаний и многолетней истории, и это мгновенно согревает мое сердце. Сделав глубокий вдох, я закрываю глаза и мягко выдыхаю, оставляя за дверями библиотеки все плохое, что во мне накопилось. Здесь есть что-то волшебное. Это словно портал в другие миры. Такой есть и у нас дома. Мой отец позаботился о том, чтобы купить дом с библиотекой, поэтому все, что мне нужно сделать, – это ее заполнить и обставить. Я уверена, что смогу сделать это тогда, когда только пожелаю (заручившись маленьким пластиковым другом, которого мне любезно предоставил папа), но все же хочу убедиться, что мы действительно останемся здесь надолго. Я не хочу ничего делать до того, как мы окончательно не освоимся тут. Я никогда не позволяла себе привязываться к тому месту, где мы останавливались, потому что боялась. Каждый раз, когда я наконец начинала

чувствовать себя комфортно, папа срывался с места, объявляя, что мы переезжаем. Знаю ли я, чем папа занимается на работе? Конечно, мне было известно, что он богат и его семья уже много поколений владеет нефтяным бизнесом, но вдобавок к этому он обзавелся акциями в различных компаниях не только в Соединенных Штатах, но и в Европе. Деньги никогда не были для меня проблемой.

Вежливо помахав библиотекаря, я направляюсь в темный уютный уголок, спрятанный за разделом исторической литературы. Бросив сумку на стол, я отправляюсь на поиски чего-нибудь, что помогло бы мне скрасить оставшуюся часть перемены. Сделав большой круг, я оказываюсь у раздела исторического фольклора.

Наклоня голову, я пробегаю взглядом по потрепанным коричневым корешкам и наконец останавливаюсь на одном с символом круга. Не знаю почему, но он кажется мне знакомым. Я вытаскиваю тяжелую длинную книгу и несу ее на свое место.

Поджав под себя ноги, я провожу пальцами по обложке книги. Вышитая эмблема в виде круга с двойной бесконечностью внутри. Такая простая, но такая знакомая.

Я открываю обложку и читаю слова на титульном листе:

«Секреты – это оружие, а тишина – это спусковой крючок» – В.С.Х.

Я перечитываю фразу еще пару раз. Так расплывчато. Вздохнув, я переворачиваю страницу, пропуская оглавление.

1. Призвание

Темная часть меня знала, что однажды это должно было произойти. Когда я почувствовала первый толчок своего ребенка, я знала. Знания – не то, за что стоит держаться, Избранные руководствуются фактами, а не знаниями. Импульсивные действия, а не знания. К черту последствия. Мой ребенок должен был стать одним из Избранных. Он будет одним из первородных. Договор,

начатый Джозефом, был лишь началом для грядущих поколений. Первенцы каждой Избранной семьи. Их руки обагрят грязная кровь.

Призвание. Это было призвание.

– Мэдисон, не так ли? – библиотекарь смотрит на меня сверху вниз, и я закрываю книгу, как будто сделала что-то плохое.

– Да, простите.

Она указывает на свои часы:

– Обед окончен. Пора идти в класс.

– Ой! – я поспешно собираю сумку. – Я могу это взять?

Она смотрит на меня исподлобья.

– Извини, дорогая, это часть раздела, которую мы не разрешаем брать с собой. Впрочем, ты можешь прийти и почитать в любое время.

Я передаю ей книгу, и она возвращает ее на пустующее место.

Черт. Я очень хотела прочитать оставшуюся часть, сама не знаю почему. Это не тот жанр, который я обычно читаю, но я действительно хочу узнать все, что написано в этой книге. Закидывая сумку через плечо, я киваю:

– Спасибо.

Как только за мной закрывается дверь библиотеки, я снова ощущаю на себе тяжесть проблем, которые я оставила у входа.

Прекрасно.

Глава 12

– Она ведь придет? – спрашивает Татум, держа бутылку Moet[7 - Moet & Chandon – винодельческий дом Шампани, один из крупнейших производителей шампанского.] и роясь свободной рукой в моем шкафу.

Сейчас только 17.00, и она уже выпила. Боюсь, сегодня она уснет самой первой.

– Да!

Я беру телефон и снова набираю номер Тилли. На этот раз она берет трубку.

– Прости! У нас началась запара, и мне пришлось... – она делает паузу, вдыхая воздух. – Черт, извини. Я почти на месте.

Положив трубку, я бросаю мобильник на кровать и звоню Сэму, чтобы он впустил ее, как только она приедет, на случай, если мы не услышим ее стук. Нейт снова не пришел домой, но написал сообщение, что скоро он и его гости будут здесь. Мой отец нас убьет. На этот раз я внимательно обошла дом и постаралась убрать все дорогие предметы. У нас еще довольно пусто, хотя папа и нанял несколько человек, которые разгрузили привезенные вещи, сделав обстановку чуть более уютной. Он никогда не был «домашним» родителем: по большей части меня вырастил Сэм. Даже когда моя мама была жива, они оба постоянно уезжали по делам. Спустя годы я понимаю, что она, вероятно, следовала за ним, как за щенком, в надежде удержать его на поводке.

Это правда, что мой отец никогда не был приверженцем обязательств, и я удивлена, что он до сих пор не нашел новую любовницу, но эта сторона его личности никогда не влияла ни на меня, ни на мое воспитание. Да, он не самый внимательный родитель, но я не настолько эгоистична, чтобы его беспокоить. Я хорошо знаю, как усердно он трудится, обеспечивая мне ту жизнь, которую я имею. Но, если честно, мне всегда было интересно, каково это иметь отца из среднего класса. Того, кто ходит на рыбалку по выходным, всегда бывает дома к 17.00 и смотрит футбол по телевизору, открывая очередную банку холодного пива.

Я встаю, движением руки поправляю штаны и иду к гардеробу, чтобы помочь Татум найти наряд до того, как у нее окончательно сдадут нервы.

– Почему бы тебе просто не надеть платье, которое ты купила в торговом центре?

– Потому что, – ноет она, – я почти уверена, что с тех пор поправилась на три фунта.

– Татум...

– Да? – стонет она с трагическим выражением лица.

Я почти смеюсь. Почти.

– Это было два дня назад. И это совершенно невозможно.

– Для тебя, может быть, и невозможно.

Она оглядывает меня с головы до ног.

– Эй! – я слегка толкаю ее тыльной стороной ладони. – Если бы я не следила за питанием, то уже давно была бы размером с дом! – я хватаюсь за свои бедра. – Смотри, как тут все трясется.

Она улыбается, и мы обе хохочем.

– Ну... – говорит она, протягивая мне бутылку шампанского, – давай просто сядем на алкогольную диету.

Я беру у нее бутылку, вылезая из своих узких джинсов и толстовки.

– А что это за диета? – спрашиваю я, стоя в бюстгальтере и кружевных трусиках и поднося ко рту прохладное горлышко бутылки.

Она взмахивает руками, увлеченная черным платьем с пайетками.

– Это значит, мы напьемся так, что больше никогда не будем переживать за свой вес.

Я смеюсь, делая еще один глоток и указывая на платье, которое она рассматривает.

– Договорились. Кстати, можешь надеть это платье.

Она кивает, а затем поворачивается, чтобы осмотреть меня с ног до головы.

– Между прочим, – подражает она моему тону, съедая глазами каждый миллиметр моей кожи, – у тебя охренительное тело, Мэди. Как ты умудрилась от меня это скрыть?

Я краснею и меняю тему:

– Надень платье.

Дверь моей спальни распахивается, и я оборачиваюсь, прижимая к себе бутылку шампанского и ожидая, что сейчас сюда войдет Тилли.

Это Тилли. Но она не одна. Черт.

– Охренеть! – выдыхает Хантер.

Нейт останавливается на пороге, закрывая собой вход в комнату, а затем я вижу Бишоп. Его глаза, кажется, пожирают мою кожу, заставляя меня чувствовать себя еще более обнаженной, чем есть на самом деле.

Я с визгом ныряю за кровать:

– О боже! Все, кроме Тилли, сейчас же убирайтесь отсюда!

Бишоп смотрит на меня, наклонив голову, его глаза озорно мерцают.

– Эй! – я указываю на дверь. – Быстро. Убирайтесь!

Они уходят, но перед этим Хантер успевает остановиться в дверном проеме, ухватившись за него двумя пальцами:

– Просто хочу поинтересоваться. Чем вы двое тут занима...

Бишоп вытаскивает его из моей комнаты за воротник, и Тилли захлопывает дверь.

– Господи, – бормочу я, поднимаясь на ноги, – гребаная стая.

Тилли все еще удивленно смотрит на дверь, и я заливаюсь смехом.

– Прости за это. Мне следовало предупредить тебя о моем сводном брате и его стае... – я делаю паузу, пытаюсь подобрать для них подходящее слово. – Да, именно стая. Волков.

Тилли поворачивается ко мне и улыбается:

– Совершенно никаких проблем.

Следующие пару секунд она с интересом на меня смотрит.

– А если серьезно, можно мне твои сиськи, потому что мои просто крошечные лимоны по сравнению с этими восхитительными... штуками.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В американской системе образования математический анализ входит в обязательный курс изучения.

2

Old money – семьи высшего класса, получившие богатство в наследство.

3

Светомузыкальная установка, которую используют на дискотеках.

4

Американский телесериал про бывшего заключенного.

5

Романтическая комедия – лирическая комедия про любовные отношения героев.

6

Внедорожник люкс-класса, выпускаемый Cadillac.

7

Moet & Chandon – винодельческий дом Шампани, один из крупнейших производителей шампанского.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhons_amo/serebryanyy-lebed

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)